ФЭНТЕЗИ
МАГИЯ
Валерий Гуминский
НАЙДЕНЫШ

Фэнтези-магия

Валерий Гуминский

Найденыш

«Издательство АСТ»
2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Гуминский В. М.

Найденыш / В. М. Гуминский — «Издательство АСТ», 2020 — (Фэнтези-магия)

ISBN 978-5-17-121476-0

Его род почти полностью истреблен в клановой войне, у него не осталось родителей, нет братьев и сестер. Но еще жив патриарх рода, о существовании которого он даже не подозревал, как и не подозревал о том, что за ним ведется охота. С самых малых лет попав под опеку тайного шпионского ордена, мальчик готовился стать боевым волхвом, так как имел способности к магическим искусствам. Но судьба распорядилась иначе. Древняя Сила, дремлющая в его крови, начинает все больше и больше заявлять о себе, что неминуемо привлекло внимание тех, кто жаждет встать в один ряд с людьми, чья родословная тянется из глубин веков и связана с магическими тайнами.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-121476-0

© Гуминский В. М., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Часть первая 5
Глава первая 5
Глава вторая 11
Глава третья 21
Глава четвертая 27
Глава пятая 32
Глава шестая 45
Глава седьмая 54
Конец ознакомительного фрагмента. 58

Валерий Гуминский
Найденыш

Часть первая

Глава первая

1993 год. Россия,
где-то в приграничном районе с Маньчжурией

Дорога в этом месте неожиданно сужалась из-за плотной стены леса и гранитных скал, в силу причуд природы, вымахавших в матерой тайге из недр земли. Отполированные ветрами и дождями, красноватые, с темными прожилками каменные стены с пятнами зеленого мха то и дело мелькали между кедрами и елями, бесцеремонно выпихивая их на грунтовую дорогу. Если бы не человеческая необходимость связать несколько населенных приграничных пунктов нормальной дорогой, здесь все бы так и осталось в первозданной нетронутой тишине и покое. Появление дорожного полотна диктовалось еще и острой необходимостью контролировать дикую местность, а также в случае военных действий с Маньчжурским царством с легкостью превратить ее в рокаду. Сейчас же, в период небывалого затишья, ею пользовались егеря, пограничники и остальное население, живущее вдоль границы. Удобно и практично. Это ведь не крюк давать в пятьдесят с лишним верст, чтобы попасть на континентальную магистраль и доехать до Благовещенска или еще дальше, до Хабаровска.

Пять лет назад пограничники и ополчение несколько месяцев сдерживали натиск хунхузов, которые вздумали поднять свое благосостояние путем набега восьмитысячного бандитского отребья на российскую территорию. Скорее, это был даже не набег, а настоящая вооруженная агрессия сопредельного государства. Основной удар был направлен на Албазин, как на один из городов, стоящих на пути двуногой саранчи. Акция не удалась: мало кто из любителей легкой наживы успел смыться на маньчжурскую территорию. Границу укрепили, а грунтовую дорогу возвели в ранг второстепенной важности и прикрепили к Амурскому филиалу Министерства дорожного строительства.

Тихон Данилов очнулся от воспоминаний, навеянных знакомыми местами, где он в то время в составе отдельного егерского полка удабривал хунхузами таежную почву. Колеса внедорожника застучали по деревянному настилу, перекинутому через небольшой, но глубокий ручей, и мощные амортизаторы «Вихря» смягчили эффект «стиральной доски».

– Семен, останови на той полянке, за поворотом, – сказал Тихон. – Водички наберем из ручья.

– Хорошо, атаман, – кивнул водитель стриженой головой с мощным затылком. Поиграв пальцами на обтянутой кожей баранке, он аккуратно съехал с моста, чуть надавил на газ, доехал до указанного поворота, объезжая каменный выступ, потом взял вправо, чтобы заехать на небольшую поляну, поросшую сосновым молодняком и усыпанную лежалой хвоей.

Машина остановилась, мотор недовольно рыкнул и замолчал. Наступила тишина. Тихон еще целую минуту сидел на месте, после чего повернулся назад и обратился к двум молодым парням, похожим друг на друга как две капли воды и состоявшим у него в ординарцах, а точнее – в телохранителях.

– Проверьте, – коротко бросил он.

– Поняли, атаман, – близнецы синхронно открыли двери внедорожника с двух сторон, и, перехватив автоматы таким образом, чтобы можно было сразу открыть огонь в случае опас-

ности, скользящим и легким шагом нырнули в подлесок, куда вела едва натоптанная тропа. Причем шли они не по самой тропе, а по разные стороны от нее. Все это время Данилов сидел в машине, и вышел только тогда, когда увидел отмашку одного из близнецов из зарослей лесной смородины.

– Все тихо, Тихон Петрович, – доложил Максим, повесив автомат на плечо. – Ромка возле ручья караулит.

В отличие от многих его подчиненных, атаман хорошо различал близнецов. Не по комплекции. Как раз парни в этом не отличались. Просто у Максима левое ухо было слегка деформировано в результате давней драки, и если не приглядываться специально – заметить дефект трудно. А Тихон умел видеть детали, вот и посмеивался, когда близнецов Масаловых путали.

Выходка Данилова могла показаться для постороннего странной: зачем проверять глухое место в тайге, где на десятки километров найдется один-два охотника или несколько авантюристов из маньчжур, охотников за женьшенем? Но Тихон знал, как опасна беспечность даже в таком тихом уголке. Тем более, учитывая специфику его работы, нужно опасаться чужого присутствия. Он отрабатывал даже такой фактор, как случайность. Разве не может наемник из клана какого-нибудь аристократа, получив задание на его ликвидацию, в этот миг оказаться в нескольких метрах от ручья, отдыхая после динамичного марш-броска от места высадки, зная, что Данилов часто ездит по данной дороге? А здесь такой подарок. Сам вылез на открытое место, вали – не хочу.

Мало кому доверял Тихон, разве что кроме нескольких проверенных человек из его окружения, имевших возможность все время быть рядом с ним. Когда за твою голову дают немалые по нынешним временам деньги – поневоле приходится озираться даже в глухом таежном углу.

– Тихо, говоришь? Семен, будь на месте. – Атаман, грузно ступая по тропке, спустился в небольшой распадок, где протекал шумливый лесной ручей, чья вода была так вкусна и так ломила зубы холодом, что у него возникало чувство восторга из детства, уже забытого под спудом многих лет. Любил Тихон эти мгновения.

Зачерпнув воду широкими ладонями, он поднес ее ко рту и сделал глоток, после чего замер, ощущая леденящее оцепенение в горле и груди. Вторую порцию пил медленно, и так и застыл, словно волк. Спина его напряглась, даже уши, как могло показаться постороннему, зашевелились, словно у лесного и чуткого зверя.

– Что, атаман? – заволновался Роман, перекидывая автомат в руки с плеча.

Тихон выпрямился и посмотрел на близнецов.

– Слышите? – спросил он. – Ну-ка…

– Ручей шумит, – пожал плечами Максим, но старательно вытянул лицо и даже ноздрями зашевелил.

Роман решительно перешагнул ручей и метра на три углубился в смородиновые заросли, сшибая листья и давя зеленые несозревшие ягоды. Застыл на месте и закрутил головой, став похожим на радарную установку. Потом повернулся и нерешительно сказал:

– Вроде плачет кто-то.

– Вот именно, – медленно проговорил атаман, – плачет кто-то. А кто? Кто может плакать в глухой тайге за тридцать пять километров от станицы и в сорока километрах от границы?

– Детский голос-то, – неуверенно ответил Максим, тоже услышав непонятные звуки. Теперь он сумел вычленить их из шума верхового ветра и звона ручья. – Ребенок это. Как звереныш мелкий заливается, но это человек.

– Да ну, откуда тут ребенок, – пожал плечами его брат. – Бред какой-то. Ближайшее жилье – лесничество Харитонова, но до него топать и топать. А у старика нет никаких детей, внуки сейчас в Албазине. Это я точно знаю.

– Рома, давай, – тихо сказал атаман, но интонации были понятны всем, кто знал Данилова. Это был приказ.

Роман гибкой кошкой скрылся в зарослях, и наступила тишина, если не замечать игривую песню ручья. Максим от напряжения вытянулся в струну, закрывая своим телом атамана, а ствол автомата медленно ходил по широкой дуге, задерживаясь на возможной директрисе вражеского огня. Он даже взмок; бисеринки пота выступили на висках.

– Макся, ты чего так закостенел? – негромко спросил Тихон. – Расслабься. Чую, нет здесь никого, кроме…

Из кустов смородины показался Роман со странным выражением лица: смесь безбрежного удивления и ужаса. Прижимая одной рукой к груди небольшой цветастый сверток, заляпанный пятнами крови, в другой он нес автомат. Из свертка доносилось щенячье хныканье. Перешагнув ручей, подошел к удивленным мужчинам и неловко замер на месте, не зная, что делать.

– Макся, возьми у брата оружие, – поморщился Тихон, сразу поняв, что все это значит.

Максим как-то судорожно выхватил автомат у Романа и отступил в сторону, не забывая, впрочем, контролировать обстановку. Если ему и было интересно, этого он не показал.

– Положи на землю, – дал команду атаман, – разверни одеяло. Ты что, детей никогда не видел?

– Да как-то… неожиданно, – буркнул Роман, но сделал все, как приказал командир. Осторожно развернул замаранное чьей-то кровью одеяло и с облегчением выдохнул.

Младенец в легкой фланелевой распашонке, сморщив личико, уже не кричал, а попискивал, потратив все силы на то, чтобы его услышали и спасли. Суча ногами и руками, он с какой-то укоризной смотрел на склонившихся над ним больших великанов.

– А чья кровь? – Роман посмотрел на атамана.

– Главное, не его, – Тихон присел на корточки и бесцеремонно перевернул младенца на живот, вызвав у того бурный протест в виде жалобного рева. – Нет, с дитем все в порядке. Даже не ранен. Только весь мокрый и в штаны навалил. Ты никого рядом не видел?

– Нет. Он лежал под кедровым комлем один, – Роман почесал затылок. – Я, вообще-то, и не думал по округе рыскать. Нашел и сразу сюда.

– Давай обратно и обыщи все вокруг. А мы пока к машине. Ребенка надо как-то в порядок привести. Максим, пошли.

Они разошлись в разные стороны. Тихон, завернув обратно найденыша в грязное одеяло, сам понес его к дороге. Максим, отдав автомат брату, ломился сзади и чуть сбоку, ломая сухие ветки кустарника.

Семен, скучающе сидя на теплом капоте «Вихря», выпучил глаза, увидев своего шефа в такой компании. Он сполз вниз и дернулся куда-то в сторону, потом передумал и остановился как вкопанный.

– Это что, атаман? – водитель не нашел ничего лучшего, как почесать бритый затылок.

– Не «что», а «кто», – сердито бросил Тихон. – Детей не видел?

– Их в капусте находят, а не в лесу, – решил пошутить Семен, но сразу осекся под взглядом командира. Ничего не сказал, когда младенца положили на капот внедорожника.

– Тряпки какие есть? Тащи все, что найдешь. Надо помыть дитя, уже поваливает, – распорядился атаман. – У тебя где-то в канистре вода есть. Давай ее сюда. Она все-таки теплее, чем в ручье. Да шевелись, хватит столбом стоять.

Тихон снял с ребенка распашонку и хмыкнул. Мальчик. Умело обтерев все грязные места мокрой тряпкой, уже чистой еще раз промыл и завернул в какое-то потертое тонкое одеяло, служившее, видно, подстилкой во время пикников, а может, и еще для чего более интересного.

– Сами как дети, – обронил Данилов, передавая кулек с хнычущим ребенком Максиму. – Пора своих заводить, а то увидели – чуть в обморок не упали.

– Да ничего и не упали, – проворчал уязвленный Семен. – Это Максим бледный от ужаса, вон, до сих пор руки трясутся.

– Эй, чего гонишь! – возмутился парень. – Я испугался только вначале, когда кровь увидел на одеяле. Думал, с дитем что случилось. Звери покусали там…

– Замолкли, оба! – насторожился атаман, вскидывая голову.

На поляну выскочил Роман, весь какой-то взъерошенный, словно только что дрался с медведем в густом малиннике. Глаза его чуть ли не выскакивали из орбит, и все его поведение говорило о том, что в лесу произошло нечто небывалое, чтобы профессиональный боец вел себя подобным образом.

– Что, Рома, еще один младенец? – хладнокровно спросил Тихон, расслабляясь.

– Там… это, женщина мертвая, в кустах лежит. Метров двадцать от того места, где ребенка нашли, – Роман сглотнул слюну и протянул руку к фляжке, отцепил ее от пояса и долго пил, шумно двигая кадыком. Все терпеливо ждали, только найденыш беспрерывно поскуливал, не решаясь, видимо, заорать в полный голос.

– Рома, точнее можешь? Докладывай, етить твою за ногу! – тихо, даже чуть ласково произнес атаман. Но в его голосе чувствовалось нарастание угрозы.

Роман подтянулся и уже четко доложил:

– Осмотрел место, увеличивая радиус поиска. Нашел женщину. Несколько пулевых ранений. Большая потеря крови. Никаких документов, драгоценностей и денег при ней не было. Только вот это.

Парень показал на ладони кулон на серебряной цепочке в виде солнечной свастики с закругленными концами, в середину которой был вправлен небольшой рубин.

– Почему женщина лежала так далеко от ребенка? – задал естественный вопрос Тихон.

– Судя по оставшимся следам, она оставила дитя в укрытии уже тяжелораненая, но почему-то сама поползла в обратном направлении, – Роман знал, что говорил. Братья с самого детства умели ходить по лесу, и чтение следов на траве и на земле не составляло для них труда. – Доползла до кустов, там и умерла.

– Зачем она сделала это? Семен, возьми ребенка на руки! Неужели трудно догадаться?

– Или грудью покорми, – съехидничал Максим, за что удостоился демонстрации громадного кулака водителя.

– Есть предположение, что она хотела подобрать этот самый кулон, – уверенно ответил Роман. – Видимо, спасаясь от преследования, зацепилась за куст, оборвала замок. Вот, даже видно, что зацепка вырвана с мясом. Но кулон для нее был очень важен, поэтому так себя и повела.

– Разумно, – кивнул Тихон, о чем-то задумавшись. – Макся, проверь связь с базой. Если сумеешь достучаться, скажи, чтобы нашли кормилицу срочно. И связались с лесничеством Харитонова. Не нравится мне эта история. Не могла же баба из-за кордона прийти. Значит, всяко-разно побывала у Петровича. Мимо него не проскочишь незамеченным.

– Понял, атаман! – Максим нырнул в салон «Вихря» и схватил рацию. Через несколько секунд изнутри донесся его монотонный голос, вызывающий таежный кордон.

– Рома, мы сейчас шустро едем до дома, а ты затихарись здесь, чтобы ни одна падла тебя не учуяла. Что бы ни случилось – молчи, в огневой контакт не вступай, только в случае прямой угрозы жизни. – Тихон кивнул Семену, и тот аккуратно положил хнычущий сверток на заднее сиденье, постарался тихо закрыть дверь, после чего сел за руль, попутно двинув по затылку жесткой ладонью склонившемуся над рацией Максиму.

– Эй, ты чего! – взвился парень.

– Это тебе за грудь, молокосос! – оскалился водитель. – Ты давай, вызывай, вызывай!

Роман кивнул и быстро двинулся в обратном направлении к ручью, на ходу поправляя ремень автомата на плече. Тихон посмотрел ему вслед и махнул рукой Семену. Машина взрыкнула, разгоняя тишину глухой тайги, и как только атаман оказался внутри, выехала на дорогу.

Семен сосредоточенно посмотрел по сторонам, нажал на газ, и внедорожник помчался вперед, выбивая из-под колес сухую пыль.

– Связь?

– Недоступна, – пожал плечами Максим. – Через пару километров попробую снова. Здесь же хребет проходит, глушит все волны.

– Есть идеи? – Тихон внимательно осмотрел кулон. Интересная вещица. Интересная в том плане, что древний символ солнца ариев открыто носился человеком, которого убили в глухой амурской тайге неподалеку от границы. Это ведь не только символ – это знак принадлежности к старинному аристократическому роду. А камень явно напитан Силой, вон как рука немеет, а невидимые разряды токов пронзают пальцы, леденят кровь. И что все это значит?

– Идей никаких, атаман, прости, – пожал плечами Семен, не отрываясь от дороги. – Больше вопросов, чем ответов. Может, кто и опознает ее в Раздольной, когда привезут.

– Хунхузы опять шалят? – выдал свою версию Максим.

– Сам ты – хунхуз! – хмыкнул водитель. – За бабой гнались, подстрелили, но она каким-то чудом умудрилась скрыться от преследования. Зачем она бандитам?

– Могли быть и хунхузы, – медленно проговорил Данилов, скосив глаза на сверток. Ребенок, пригревшись, угомонился и уснул от мягкого покачивания. Приходилось придерживать его рукой, чтобы не свалился вниз. – Если предположить, что лесничество подверглось нападению, а она гостила или еще каким боком оказалась там – то, как вариант, да. Мне только кулон покоя не дает. Ты, Семен, не встречал такой знак нигде?

– Огненную свастику? Я читал, что какой-то немецкий княжеский род пытался заиметь ее в качестве герба, но им живо по башке надавали. Причем за один год разом всех патриархов кончили и родственников по первой линии. Даже маги не стали вступаться за них. А кто зачистил сосисочников – неизвестно до сих пор.

– А он мог быть родовым знаком кого-то из русских аристократов? Хотя что я тебя спрашиваю. Мы наверняка не знаем… – Данилов примолк, задумавшись, и не открывал рот до самой станицы, где находилась их база.

К тому времени Максиму удалось связаться со штабом, и как только «Вихрь» въехал на территорию базы и за ними закрылись тяжелые тесовые ворота, обшитые металлом, во дворе началась суета. Порыкивая мотором, тяжелый пятитонный «Зубр» с крытым кузовом готовился к отъезду, и возле него толкались с десяток бойцов в камуфляже, загружая внутрь цинки с патронами и два пулемета на сошках. Молодой парень с нашивками старшины, лихо сдвинув набок темно-зеленый берет, командовал погрузкой.

Ребенка приняли из рук Данилова сердобольно охающие женщины из числа тех, кто постоянно проживал на территории базы, и тут же унесли его куда-то в большой бревенчатый дом. Атаман вздохнул свободнее. Одной обузой меньше.

– Атаман! – к нему подскочил старшина с картой. – Где это место? Мы уже готовы, можно выезжать.

Данилов ткнул в нужный квадрат, объяснил, как дойти до ручья. Потом спросил:

– С егерями и пограничниками связались?

– Так точно. Сразу же. Сказали, что займутся прочесыванием.

– А что лесничество?

– Никто не отвечает, – старшина почесал щеку. – Тишина в эфире. Егеря туда тоже заглянут.

– Ладно, – Данилов вздохнул, поправил кобуру на ремне. – Когда следователь будет?

– Обещали к вечеру на вертолете забросить. Так я побежал?

– Давай, Степа, двигай. За Ромку беспокоюсь. Он, конечно, парень ушлый, но случись что – долго не продержится.

Старшина кивнул и отбежал, на ходу махая рукой водителю. Не прошло и пары минут, и грузовик выкатил за ворота.

На ходу отвечая на приветствия, Данилов зашел в двухэтажное кирпичное здание, одна половина которого служила казармой, а другая – собственно штабом. Первый этаж, полностью с зарешеченными окнами и специальными бойницами для ведения стрельбы, сейчас был пуст, и только скучающий дежурный при виде атамана встал и после приветствия сказал:

– Господин атаман, Страж вас ждет в своем кабинете. Просил сразу направить к нему.

– Да уж и так понятно, – хмыкнул Данилов в усы. – Спасибо, Лавр. Как дежурство?

– Все было тихо до вашего сигнала, а теперь – сплошная суета, – дежурный улыбнулся. – Ну, парням полезно проветриться, а то засиделись.

– И я о том же думаю, – кивнул Тихон на прощание и направился по освещенному коридору в сторону кабинета самого главного человека в Раздольном.

Глава вторая

Станица Раздольная, база Тайного двора

Крепкий в кости мужчина, чьи годы подбирались к шестидесяти, уже обремененный морщинами на лице и грузноватой фигурой, до сих пор не потерял цепкости в глазах и движениях. Увидев заходящего в кабинет Тихона, он мгновенно преобразился, превратившись во властного и жесткого хозяина Двора, чья деятельность была направлена на совершение тайных операций как внутри страны, так и за ее пределами. Другое дело, что обычно агентов Двора использовали для выполнения грязных работ против аристократических домов России такие же бояре, что и их недруги. Обычная практика: война всех против всех. Род может исчезнуть с лица земли – «потайники» останутся при своем.

– Здорово, Тихон, – Страж жестом показал Данилову место у стола, стоящего в кабинет буквой «Т». – Коньяку?

– Не стоит, момент неподходящий, – атаман придавил собой стул, жалобно пискнувший от неимоверного груза.

– Правильно, пару дней нам придется побегать, – кивнул Страж. – Давай, излагай свою версию.

– Пока ехал в станицу, обдумывал: какой бес затянул молодую бабу с младенцем в глухую тайгу? – Данилов говорил медленно, растягивая слова, как будто заново прокручивал в голове мысли, пришедшие за последние часы. – Первый вариант: гостила в лесничестве у Петровича в качестве знакомой или по просьбе какого-то лица. Шла-то она как раз с той стороны. Кто в нее стрелял, какие цели преследовал – не ясно. Мутное дело выходит. Может, хунхузы. Может, обычные отморозки с нашей стороны. Знаешь же, есть такие охотнички, любители по людям стрелять.

– Плохая версия, – Страж слушал внимательно.

– Сам знаю, что несуразная, – поморщился Данилов, – но в голову больше никаких мыслей не приходит. Второй вариант: женщину преследовали целенаправленно, несколько пулевых ранений явно не из дробовика. Ромка все исползал там, и нашел занятный кулон.

– Кстати, покажи его, – оживился Страж и принял из рук атамана цепочку со свастикой. – Я, когда мне передали твой разговор по рации, сразу решил проверить, что за штуку вы подобрали. В глаза-то не видел, плохо представлял искомое. Н-да, забавная вещь. Забавная…

Страж на мгновение закрыл глаза, словно прислушиваясь к кулону, а Тихон знал, что это так и есть. Страж владел Силой, пусть и небольшой и неспособной нанести вред человеку, но чувствовать и понимать ее, определять потоки и предназначение артефакта вполне себе мог.

– Заряжен полностью и не использовался в последнее время, – сказал он, положив кулон на стол перед собой. – Почему женщина не использовала его при защите, не понимаю. Знаешь, что за вещицу вы нашли?

– Предполагаю, что родовой знак. Только чей? Знаний не хватает.

– Ну, знания нам дают современные технологии, – Страж кивнул в угол, где на небольшом столике рядом с плоским монитором, смотрящим погасшим антрацитовым экраном на своего хозяина, возвышалась светло-матовая коробка вычислительного комплекса «Кристалл», то бишь электронно-вычислительная аппаратура отечественного производства, далеко перешагнувшая по качеству сборки мировые аналоги. – Порылся по базам данных и обнаружил-таки по твоим описаниям ответ. Эта свастика – символ солнца у ариев, все понятно. Но именно вот такой знак – рубин, окольцованный солнечной свастикой – родовой знак Назаровых, старинного рода, берущего свое начало со времен первых Рюриковичей. Но поднялись они на верхушку аристократической лестницы при Петре Алексеевиче, и еще долго держали в своих руках мануфактуры по производству тканей и переработке шерсти. Род богатый. Патриархи

всячески старались оградить его от проникновения ненужных им людей. Женили и выдавали замуж только за тех, кого считали истинно своим…

– Истинно своим? – поднял бровь Тихон, воспользовавшись паузой, когда Страж решил отпить из стакана воды. – Что это значит?

– А то и значит, что истинно своими они считали таких же потомков ариев, что и они, из какого-то ордена или тайного общества, – усмехнулся хозяин Двора. – И таких потомков не совсем уж и много. Всего несколько фамилий фигурируют, сейчас я не буду их перечислять. Просто не в свое дело влезем. Только почему они так были уверены в своем высоком происхождении?

– Уходим от темы, – предупредил атаман.

– Нет, никуда мы не уходим, – Страж сцепил пальцы обеих рук и положил их на крышку стола. – Найденная вами женщина не могла просто так заиметь такой кулон. Он – истинный указатель того, что убитая – из рода Назаровых.

– Сразу возникает уйма вопросов, – кисло улыбнулся Данилов.

– Не уйма вопросов, а геморрой на заднее место, – Страж тоже был не рад новым обстоятельствам. – Через пару часов прилетает следователь губернского сыска, въедливый гражданин. Будет трясти вас до потери сознания.

– Чьего? Своего? – сразу ухмыльнулся Тихон. – Шучу, шучу. Так что по убитой? Выходит совсем грустно: родовой кулон, женщина из рода Назаровых – предположительно, и ребенок, о котором мы совсем забыли.

– Докончу мысль, – Стражу не сиделось на месте. Если до этого он не знал, куда деть руки, то теперь вскочил и заходил по кабинету, то и дело выглядывая в окна. – Из Назаровых остался один лишь патриарх – совсем выживший из ума старик. Так представляют многие, знающие его, только я бы не верил обывательскому мнению. Я однажды пересекался с ним в своей жизни и не допускаю даже мысли, что Назаров реально сдал умом. Анатолий Архипович, отставной офицер имперской гвардии; имеет обширный послужной список, кучу наград, именное оружие. В тридцать пять лет неожиданно подал в отставку, женился, заимел троих детей, и вдруг после тихой семейной жизни стал консультировать отдел спецопераций по личному указу императора. В сорок втором году назначен тем же консультантом в экспедицию князя Шаранского в Кашгар. Что там искал отряд егерей и спецы – одному Богу известно. Но после окончания экспедиции сразу получил в личное владение усадьбу под Вологдой. Хотя и не жаловался на личное благополучие. Так, приятный довесок. Дети выросли, переженились, но вскоре стали происходить странные вещи: все родственники один за другим сошли в могилу. Нелепые смерти, аварии, катастрофы – все это свело на нет величие рода. Патриарху стало тяжело тянуть груз всех дел. Он стал продавать свой капитал: фабрики, заводы. Поставщики сырья прекратили с ним работать. В общем, полная…

Страж махнул рукой, отвернулся от окна и стал медленно прохаживаться по кабинету. Тихон сидел, переваривая информацию, но каких-то личных выводов пока не мог сделать.

– Родственники побочной линии, конечно, остались и сразу попытались оставшиеся капиталы отжать в свою сторону. Но получили серьезное предупреждение. От кого-то, кто стоял в темном углу и дергал за ниточки. У меня сложилось такое мнение, – хозяин Двора вернулся на свое место, кресло приняло его с приятным кожаным скрипом. – А дальше этих умозаключений дело не пошло. Ясно, что с нашим происшествием детальный разбор жизни патриарха не имеет каких-то связей, кроме кулона. В конце концов, родовой знак Назаровых мог попасть к несчастной женщине совершенно нетривиальным способом. Говорить о том, что она – представитель этого рода, я бы не торопился. Может, она из другого рода, согрешила с одним из Назаровых. И не думаю, что следователь придет к противоположному мнению. Только если мы сами придержим вещественное доказательство и не станем выкладывать такой козырь следователю…

Мужчины пристально поглядели в глаза друг другу, с полуслова поняв самое необходимое. Наступило молчание. Страж задумался о чем-то своем, а Данилов налил из графина себе в стакан воды и неспешно выпил. Потом посмотрел на хозяина.

– Мы забыли кое-что…

– Ты о ребенке? – хмыкнул Страж. – Да я о нем все время думаю. Ясно, что в этой грустной истории он никакой роли не играет.

– А я думаю как раз наоборот, – атаман пристально посмотрел в глаза Стража.

– Тихон, даже не думай, – постучал пальцем по столу мужчина. – Не думай, не бери грех на душу!

– Мало ли мы его брали все эти годы? – грустно улыбнулся Данилов. – Сам подумай, что ждет пацана в казенном доме? Это ведь даже не Императорский приют, где живут потомки аристократов или влиятельных лиц страны, оставшиеся без родителей. Это обычный приют для найденыша. Начни мы сейчас копать родословную по кулону – в какую тогда историю вляпаемся? Это же будет война с мощными кланами, о силе которых мы не имеем представления. За что ополчились на Назаровых? В чем причина?

– Если предположить, что младенец – правнук Анатолия Архиповича, – кивнул Страж, – то однозначно влезем в чужие разборки. А у нас сейчас контракт с Сафоновыми по направлению с китайскими фабрикантами. И так почти все ресурсы задействованы.

– Мальчишку надо оставить у нас, – твердо сказал Тихон. – Я сейчас же переговорю со всеми, кто уже знает о нашей находке. Люди будут молчать. Не думаю, что следователь начнет трясти всю нашу базу, обойдется лишь теми, кто нашел женщину. Ведь о ребенке ему не известно? Информировал его ты?

Страж молчал, но в его глазах играли искорки от вечернего солнца, глядящего в окно. И нельзя было понять, о чем он думает. Тихон хорошо знал своего хозяина, и на его лице медленно расплывалась улыбка.

– Я же знал, что ты сразу просчитал этот вариант, – сказал атаман уверенно. – Если следователь не узнает о ребенке, то мы его можем включить в нашу схему подготовки спецов. Представь, какого бойца мы получим, если начнем тренировать его с детства! Тем более, пока еще живы матерые учителя – надо рискнуть. А если он еще и Силой владеет? Представляешь выгоду?

– Что, не дают тебе покоя успехи Тагира и Арсения? – усмехнулся Страж. – Решил снова провернуть этот трюк?

– Они – легенды нашего Двора, – твердо заявил Тихон, – я ведь лично видел, как их готовили по особым методикам. Беспризорники стали великолепными агентами, что существенно подняло акции Двора. А теперь подумай, какая судьба ожидает найденыша, если он попадет под государственный патронаж? Я даже предскажу, что будет. До десяти лет – бесконечные придирки воспитателей, затрещины, побои, вечные поиски еды, чтобы утолить голод. А потом начнется планирование побега с несколькими такими же отщепенцами, не прижившимися в коллективе, где заправляют старшие ребята. В итоге – уличные банды или уркаганы, заприметившие мальца. Оно надо?

– Какие ужасы ты здесь расписал, – улыбнулся Страж. Внезапно раздалась трель телефона. Сняв трубку, хозяин поднес ее к уху. Выслушал говорившего, отчего улыбка на лице погасла. Коротко хмыкнул, сказал, что все понял, после чего со стуком вернул трубку обратно. – Вот так, Тихон… Судьба, видимо. Егеря были на кордоне Петровича. Вся семья Харитонова и работники лесничества убиты. Ребята только к пожарищу и пришли. Сейчас идет прочесывание леса вплоть до границы. Все склоняются к версии, что это были хунхузы. Был бой, лесник отстреливался.

– А трупы нападавших?

– Нашли только одного. Подранок, умер от потери крови.

– Хунхуз? – криво усмехнулся Тихон.

– А кто же?! – зло воскликнул Страж и задумался. – И опять одни вопросы.

– Угу. Специально оставили, чтобы навести на ложный след. Петрович – стрелок отменный, и чтобы один убитый? Два раза ха-ха! Да еще работники его из удэге, эти же парни на лету птице в глаз попадут, не то что белке!

– Теория заговора?

– А почему бы и нет? – пожал плечами атаман. – Мы же не дети, чтобы налететь на такую халтуру! Ясно, что хунхузами руководил кто-то, знающий о человеке, находящемся на кордоне.

– Не наши ли это конкуренты?

– Все может быть. Задействовали потайников из другого Дома.

– Версия здравая. Значит, ты укрепился во мнении, что женщина – родовитая аристократка?

– Скорее, скрывающаяся от врагов, или любовница одного из представителей рода, – уверенно сказал Тихон. – И старик Назаров был в курсе происходящего. Допустим, превозмог свои амбиции, чтобы спасти будущего потомка по крови, и сплавил женщину в самую глухомань. Да, эта версия мне больше по душе. А значит, пацан должен остаться у нас под бдительным присмотром. Может быть, когда-нибудь мы узнаем истину, но сейчас надо спасать детеныша. Зачем лишаться лишнего козыря в рукаве?

– А как оформим?

– Мало у нас молодух в станице беременных? Кто на сносях? Вот и представим, как рождение двойни.

– Баб возят в Албазин рожать, – предупредил Страж. – Надо в роддоме всех причастных уговорить, и чтобы курирующие органы не докопались.

– Сделаем, – кивнул Тихон. – Сегодня же озабочусь этим. Есть у меня там влиятельные знакомые. Устроим как надо.

Снова зазвонил телефон. Страж не стал тратить много времени, чтобы узнать, что случилось.

– Прибыл следователь, – сказал он, положив трубку на «базу».

* * *

Следователь Имперского сыска по Амурской губернии прибыл в Раздольную из Албазина на трехместном «Сикорском», севшем на подготовленную площадку неподалеку от протекающей вдоль станицы речки Быстринки, и, прижав к голове фуражку с темно-синей окантовкой, выскочил из-под свистящих лопастей.

Зачем-то отряхнув свой китель, он без лишней суеты сунул под мышку плотную папку и зашагал журавлиным шагом в сторону ждущих его Стража и Данилова. Не обращая внимания на стоящих возле них двух крепышей, у которых из-под распахнутых пиджаков виднелись кобуры с торчащими рукоятями пистолетов, он протянул руку тем, в ком признал главных лиц.

– Здравствуйте, господа. Я – Астапов, старший следователь. Вот мое удостоверение, можете ознакомиться.

– Георгий Ефремович, – прочитал Тихон на плотной корочке голубого цвета с имперским орлом. – Добро пожаловать в нашу обитель. Как желаете: сразу по делу или поужинаем? Дело к вечеру, мы уже как раз собирались поснедать, да ваш прилет спутал планы.

– Данилов, я полагаю, – вы? – проявил осведомленность Астапов.

– Так точно, – кивнул Тихон. – А это Иван Егорович, мой непосредственный начальник. Так что насчет моего предложения?

– Полагаю, что вначале нужно получить информацию из первых рук, – улыбнулся следователь. – На это не уйдет много времени, а потом можно и за стол.

– Я тоже так думаю, – согласился Страж. – По первому следу идти сподручнее. Было бы сказано – а дело всегда найдется. Можете начать допрос прямо с атамана.

Оба – Страж и Тихон – не зря пытались навязать следователю свою линию поведения и времяпровождения во Дворе. Нужно было срочно предупредить всех, кто видел, с кем вернулась машина Данилова, чтобы держали язык за зубами. Близнецов и водителя атаман успел проинструктировать, и пока следователь будет в пути к штабу, Максим и Роман поговорят с женщинами и другими свидетелями. Предварительно уже все, кто был в курсе, осведомлены о пользе держания языка за зубами, но мало ли что пойдет не так… Лишнее предупреждение не помешает.

– Убедили, – махнул свободной рукой Астапов.

По молчаливому кивку Стража телохранители распахнули двери «Вихря», пропуская внутрь следователя и хозяина, а Тихон сел на переднее сиденье рядом с Семеном. Крепыши же разместились в машине сопровождения – тяжелом черном «Руссо-Балте» с низкой покатой крышей и тонированными окнами.

Как только прибыли на территорию Двора, Страж предложил провести допрос в его кабинете и, конечно, в личном присутствии. Астапов не возражал. Создавалось впечатление, что для него это дело было неким дополнительным грузом, ненужным и досадным. Однако первым делом он попросил отвести его к телу убитой. Специального помещения для таких случаев не было, поэтому женщина лежала в подвале штаба, где было все-таки прохладнее. Один из бойцов открыл тяжелую дверь в нижнее помещение, пропуская немногочисленную делегацию, зажег свет и показал, где находится тело.

Следователь достал компактный фотоаппарат и сделал несколько снимков, особенно тщательно фокусируясь на пулевых ранах.

– Ранения были не смертельными, – констатировал следователь, – но обширное кровотечение присутствовало. То есть при своевременной медицинской помощи она могла бы выжить.

– Да, именно кровопотеря привела к гибели, – подтвердил Тихон.

– Хорошо, здесь можно заканчивать, – Астапов показал жестом, что тело можно закрыть простыней.

Когда все трое поднялись наверх в кабинет Стража, следователь деловито снял китель, аккуратно повесил его на спинку стула, потом открыл папку и достал оттуда небольшую пачку гербовой бумаги. Щелкнул авторучкой.

– Садитесь, господин Данилов, – пошевелил бровями Астапов, – я же не намерен допрашивать вас, как обличенного в каком-то преступлении. Вот так, хорошо. Расскажите подробно, как было обнаружено тело, какие были ваши действия после этого? Может, поделитесь своими соображениями, идеями. Скажу честно, вряд ли что-то мы сумеем отрыть, и дело совершенно глухое, к сожалению. Но…

Тихон обстоятельно, тщательно подбирая слова, рассказал злополучную историю, глядя на уверенно пишущего следователя. Представитель Имперского сыска был молод, ему можно было дать лет двадцать пять или чуть больше, но никак не за тридцать. Лицо гладкое, тщательно выбритый подбородок, виски аккуратно подрублены, нос чуть великоват для такого типажа и вид портят веснушки на самом кончике. Тонкая линия усов превращала Астапова в некого щеголя, старающегося своим видом придать себе серьезность и внушительность. Что ж, контора, в которой он служил, позволяла ему держать марку.

Обращали внимание на себя руки: ухоженные, с ровно подстриженными ногтями. Пальцы изящно держат позолоченную ручку фирмы «Тороватов», одну из широчайшего ассортимента канцелярских товаров известного торгового клана России. В последние годы он вел агрессивную политику по захвату рынка не только внутри страны, но и в европейском конгломерате. Не хватало, чтобы еще и на дальневосточном направлении ушлые купцы его фирмы

развернули свою деятельность. Китайцы их только и ждут. Лишняя головная боль для многих аристократических семей.

– Вы тщательно осмотрели место гибели женщины?

– Куда уж тщательнее, – усмехнулся Тихон. – Все на коленях перерыли. Нет, у нее ничего не было. Блузка, юбка, теплый жакет, туфли на средней подошве, совсем не для прогулок по лесу. Она убегала от кого-то с кордона Харитонова.

– Вот как? – вскинул голову следователь. – Почему вы так решили, Тихон Андреевич?

– Потому что мы получили информацию, что лесничество подверглось нападению хунхузов, – подал голос Страж. – И сложили головоломку. Женщина жила на кордоне, случилось разбойное нападение, она решила спастись таким вот образом. Не получилось. Ей не хватило совсем чуть-чуть, чтобы выбраться на дорогу.

– Когда вы узнали о нападении?

– За час до вашего прилета, Георгий Ефремович, – ответил Тихон. – Мы же сразу, как только приехали сюда, связались с пограничниками и егерями. Нужно было время, чтобы проверить, что происходит в лесничестве.

– В округе еще есть поселения?

– Нет. Наша станица – самая ближайшая точка от кордона.

– А связь? Неужели в лесничестве не было связи? – удивился следователь.

– Есть у них стационарный комплекс «Луч», – ответил Тихон, – но с нами они не связывались. Для такого рода случаев Харитонов вызывал егерей. Специфика нашего Двора совсем… кхм, другая. Если вас, Георгий Ефремович, интересует, был ли вызов, можете слетать в Поводово.

– Это же приграничный район, бывший Пайводао! – воскликнул Астапов. – Там раньше только таможня была и «зеленые береты» стояли! Егеря-то при чем?

– Вот их туда и перекинули. После той замятни с хунхузами, – напомнил Тихон. – Спецподразделение быстрого реагирования.

Астапов сделал пометку в блокноте, лежавшем рядом со стопкой бумаги, задумчиво постучал кончиком ручки по папке.

– Значит, на месте гибели женщины вы не обнаружили никаких вещей, которые могли бы пролить свет на личность убитой? Защитный амулет, например, или родовой кулон? Вещичка мелкая, невзрачная?

– Совершенно никаких, – Данилов даже глазом не моргнул.

– Странно… И ее вы не знаете?

– Нет. Никто из наших не опознал женщину.

– Ну, что ж, остались одни формальности, – следователь протянул Тихону протокол, чтобы тот ознакомился с ним и поставил свою подпись. – Завтра с утра я поговорю с вашими сопровождающими и вылечу в Поводово. Предупредите, чтобы никто никуда не отлучался.

– Конечно, – кивнул атаман. – А теперь, может, отужинаем?

– Не откажусь.

– Тогда пожалуйте к нам в гости, – Страж встал и радушным жестом развел руки в стороны. – Жена предупреждена, уже на стол накрыла. Я здесь недалеко живу, на машине быстро доедем. Тихон, скажи Семену, чтобы заводил мотор.

Хозяин Двора и в самом деле жил неподалеку от штаба, стоило только свернуть с прямой асфальтированной улицы в широкий проулок, застроенный крепкими добротными домами, сплошь из красного кирпича, крытыми шифером. Проезжая мимо крепких тесовых заборов, следователь отметил, что возле каждых ворот лежат большие волкодавы, причем не на цепи. Собаки даже не реагировали на движение, провожая взглядом знакомую машину.

Семен остановил «Вихрь» возле одного такого же дома, ничем не отличающегося от остальных, кроме немаловажных мелочей, которые заметил внимательный Астапов. По самому

верху двухметрового забора идет «колючка», явно напитанная Силой. На это указывали металлические стержни с колпачками-изоляторами без подведенных к ним проводов. Ясно, что питание поступало не от электричества. Стержни сами являлись мощными аккумуляторами и при разрядке защитного поля могли почти сразу восстановить потенциал контура. А вот в остальном здесь все было как в цивилизованном мире. Проулок освещался обычными фонарями, подвешенными на гладко обструганных столбах, во всех домах ярко горели окна, где зашторенные, а где и открытые. Жизнь здесь текла размеренно, сообразуясь со своими привычками и желаниями.

Астапов лихорадочно вспоминал, что собой вообще представляет странная даже по меркам Российской империи организация под названием Тайный двор.

Истоки зарождения нужно было искать в конце семнадцатого – начале восемнадцатого века. Астапов неплохо знал историю, но в этом аспекте он был профаном и мог рассказать лишь малую толику из огромного пласта загадочного военизированного клана. Так вот, когда русские казаки продвигались на восток, колонизируя обширные сибирские, а потом – забайкальские и дальневосточные просторы, за ними следом пошли купцы и самые ушлые представители аристократических родов, почуявшие явную выгоду от новоприобретенных земель. На Урале, в Сибири и на богатых забайкальских территориях столкнулись интересы многих кланов. Старые боярские роды, имевшие охранные грамоты от императора Петра Алексеевича – такие как Северцовы, Селеховы, Темниковы, Нелидовы, Хвостовы, – первыми почуяли, что дело пахнет огромными прибылями. Это ведь не только рухлядь в виде шкурок соболей, выдр, бобров, лис. На Урале нашли богатейшие залежи драгоценных камней, часть из которых могла концентрировать в себе Силу, а также горючий камень, железные руды. Сибирь открывала перспективы продвижения на юг, в чайные земли: Китай и Индию. Огромные рыбные промыслы и золотоносные жилы грели воображение аристократии. Пока казачьи лодьи продвигались по рекам на Дальний Восток, начались столкновения купеческих интересов с аристократическими родами. Надо сказать, что зарождающееся купечество было жестким, быстрым на ответ и не церемонилось с боярскими кланами. Начались настоящие боевые столкновения, одно из которых даже вошло в учебники истории. Это было так называемое «рыбное побоище» в 1730 году на Верхней Тунгуске неподалеку от Енисейска. Лоб в лоб столкнулись наемные отряды купцов Шерстякова и Логинова с боевыми дружинами боярина Темникова. Не поделили рыбные промыслы и рынки сбыта. Купцы были уверены в своих силах, действовали предерзко и нагло, выставив свои условия, на что патриарх рода ответил категорическим отказом, выкатив встречное предложение. Коса нашла на камень. Никто не хотел делить рынок пополам. А ведь енисейские осетра шли на царский стол, и терять благорасположение государя означало крах всей торговой деятельности. Около трех тысяч воинов и двух десятков волхвов сошлись в кровавой сече, о чем было доложено Александру Меншикову, взявшему власть в свои руки после смерти Екатерины Первой. Фаворит покойного Петра Алексеевича принял сторону купечества, активно прореживая взбунтовавшуюся аристократию. Именно с тех пор родовитые кланы задумались о собственной защите и стали искать ее на стороне от государственных институтов. Так постепенно сформировались тайные общества, которые взяли на себя функции шпионажа, устранения неугодных аристократам людей различными способами, доносительства и похищения заложников. С годами методы Тайных дворов совершенствовались, вот только ушедшие в глубокую конспирацию люди, иначе называемые потайниками, тесно связанные с изнанкой мира, продолжали сотрудничество с кланами, предпочитая аристократов, как наиболее благополучную финансовую структуру.

Со временем взаимная неприязнь купеческих и боярских родов сгладилась, и Тайные дворы стали неким «великим уравнителем», и нет-нет, да и приходили на помощь тем, кому нужна была помощь. Только это опять же был шпионаж, шантаж и вымогательство. Нужно ли говорить, что императоры, сменяя друг друга, всячески старались выжечь каленым железом

тайную структуру внутри государства. Добились лишь того, что Дворы ушли в глубокое подполье или чуть ли не всем скопом переселились в Забайкалье и на Дальний Восток, где потихоньку приобретали земли у китайцев и маньчжуров, да такими темпами, что властные мужи удивились, когда узнали, какими территориями владеют.

С середины девятнадцатого века началась череда военных конфликтов на южном направлении. Россия воевала с вечными соперниками – турками, которых в спину подталкивала английская резидентура, стремясь решить несколько локальных проблем: взять под контроль Грузию и Армению и укрепиться на Балканах. К тому времени император Михаил Второй из рода Меншиковых, особенно люто ненавидевший деятельность английской разведки в русско-турецком конфликте, пришел к мысли, что пора подключать к решению проблемы Тайные дворы. Особые поручители мотались по стране, искали контакты с представителями военизированного шпионского ордена и всячески старались заручиться помощью тех, для кого такая жизнь была естественной средой обитания. Михаилу Второму пришлось идти навстречу требованиям высших стратегов Дворов, иначе называемых Стражами, так как имперская разведка находилась в зачаточном состоянии и не могла соперничать с европейскими шпионскими синдикатами, опутавшими всю западную часть материка и подчинявшимся британцам. А любой Страж мог предоставить комплексную услугу: шпионаж, убийство, проникновение на охраняемый объект и похищение документов. Причем в связке всегда действовали боевой волхв и несколько специалистов широкого профиля. За короткий срок были проведены дерзкие налеты на турецкие штабы, похищены несколько британских военных атташе с секретными бумагами, и как результат – удачные войсковые операции по всему южному фронту. В Закавказье установилось затишье, так как русские войска прочно встали по линии Артвин – Ардахан – Карс. Через несколько лет был освобожден Царьград, и Россия взяла под контроль черноморские проливы. Турки, лишившиеся флота, фактически прекратили сопротивляться, стремясь сохранить остатки своей Блистательной Порты на азиатском направлении.

Британцы к этому времени уже поняли, что имеют дело с качественно иным противником, и попытались наладить связи с Дворами. Не исповедуя никакой морали, кроме оплаты своих дорогих услуг, некоторые Стражи поддались искушению и фактически стали играть на стороне вечного противника России. К чести большинства Стражей, они постарались дистанцироваться от предателей, а со временем как-то удивительно быстро перемерли отщепенцы, а оставшиеся без предводителей бойцы сделали правильные выводы, примкнув к лояльным Дворам.

К началу двадцатого века Дворы перевели в разряд вольных военизированных подразделений, строго регламентируя их деятельность, а проще говоря – легализовали за услуги империи. Но все это было лишь для отвода глаз. Все понимали, что грязными методами Дворы не собираются пренебрегать. Своих бойцов они рекрутировали из числа бездомных и сирот, погрязших в долгах военных и гражданских чинов, дезертиров и прочих авантюристов, считавших, что таким образом можно проникнуть в тайны боевых искусств и еще денег заиметь.

– О чем же вы задумались, Георгий Ефремович? – со скрытой усмешкой спросил Страж, уже дожидавшийся следователя на улице. Он почесывал за ухом кудлатого пса, ластившегося к хозяину, и ждал, когда Астапов соизволит выйти из машины. Смутившись, что так глубоко погрузился в исторические дебри, следователь почему-то поспешно вылез наружу и захлопнул дверь.

– Извините, что излишне много думаю о деле, – молодой мужчина подправил папку, зажатую подмышкой, и пошел следом за хозяином дома. Тихон уже стоял на высоком крыльце и разговаривал с симпатичной пожилой женщиной, вероятно женой Стража. Так и оказалось.

– Моя супружница, Анастасия Емельяновна, – представил женщину Иван Георгиевич. – Это следователь из Албазина, господин Астапов Георгий Ефремович. Несмотря на свою молодость, весьма перспективный чиновник. Ну-ну, не краснейте так, я все-таки немного знаю, что

творится в вашей епархии, – Страж покровительственно улыбнулся, довольный произведенным на следователя впечатлением. – Пожалуйте в дом. Стол уже накрыт. Отужинаем. Настя – спец по кулинарии, прекрасно готовит.

Озадаченный Астапов прошел следом за Тихоном на просторную застекленную веранду, где был накрыт стол под белой скатертью. Судя по четырем стульям с высокими резными спинками, больше никого не ожидалось. Следователь огляделся. Здесь было много зелени. Многочисленные кашпо на стенах, горшочки на длинном подоконнике, легкие занавески прикрывают окна. Сверху свисает четырехрожковая люстра. Просто и уютно.

Откуда-то, неслышно ступая, появился черный кот. Он остановился перед Астаповым и глянул на него огромными плошками желтых глаз. Обошел кругом, словно знакомился, коротко мяукнул и прыгнул на один из стульев. Но не успел пристроиться, как был безжалостно изгнан рукой Анастасии.

– Это Уголек, – сказала она, улыбаясь. – Привык сидеть на стуле, когда мы обедаем. Вроде как член семьи.

– Чересчур наглый зверь, – Страж жестом показал, чтобы все рассаживались не чинясь. – Приблудный, чего там. Отвоевал свое место под солнцем.

– Меня, признаюсь, поразили ваши слова о моей перспективности, – обратился к Стражу Астапов, поглядывая, как наполняется его тарелка густыми щами с приличным куском мяса, – потому как я сам даже не знаю о таковой.

– Ну, кто же будет нахваливать умного и цепкого работника на самом взлете карьеры? – Страж улыбнулся в усы, наполняя рюмки водкой. – Это только вредит молодому специалисту. Впрочем, я немного нарушил ценное правило руководителя, но мне простительно. Не моя территория.

– Хм, ладно, – Астапов решил не обращать внимания на слова хозяина Двора. – Буду считать, что это был аванс.

Выпили. Закусили. Анастасия радушно предлагала свои соленья, которых было на столе в большом достатке, но следователь остановился на изумительно хрустящих огурчиках и холодце с хреном. Не забывая, впрочем, работать ложкой. Только теперь он понял, как проголодался, полдня потратив в Албазине на то, чтобы оформить командировочные, выписать транспортное средство, а потом несколько часов болтаться в воздухе.

– А что там господин Ступак, так до сих пор старшим прокурором губернии? – поинтересовался Тихон, когда первый голод был утолен.

– Вы его знаете? – Астапов уже ничему не удивлялся, памятуя, кто сидит перед ним. Эти люди умели собирать информацию и работать с ней. – Да, удивительный человек, несмотря на преклонный возраст, работает – дай Бог, как и нам желательно.

– Передавайте при случае ему большой привет из Раздольной, – кивнул Страж.

– Если, конечно, буду в Благовещенске, – улыбнулся следователь.

После второй рюмки в голове Астапова приятно зашумело. Не желая опьянеть до неприличия, налег на жаркое, которое Анастасия Емельяновна успела подать на стол. Почему-то пришла в голову мысль, что, пользуясь чуть ли не домашней обстановкой, начнут выпытывать некоторые служебные тайны или пробовать наладить контакты через него с нужными людьми. Тем более что за столом остались они втроем, не считая упрямого Уголька, залезшего на освободившийся стул. Жена Стража удалилась, оставив мужчинам самим решать свои проблемы.

– Меня смущает картина сегодняшнего происшествия, – честно признался следователь. – Присутствует нелогичность в произошедшем.

– Какая нелогичность? – Тихон изящно, чуть ли не аристократическим движением, наколол на вилку кусок холодца. – Было нападение на лесничество? Было. Сумела женщина сбежать от преследователей? Сумела. К большому сожалению, тяжелые ранения не дали ей шанса.

– С какого перепугу хунхузам захотелось перейти границу и разорить ничем не примечательное лесничество? – Астапов легонько постучал черенком вилки по столу. – В чем смысл? В обычном грабеже?

– Полной картины у вас нет, к чему гадать? – осторожно заметил Тихон. – Завтра слетаете в Поводово, поговорите с егерями, они отвезут на кордон. Может, что-то обнаружится.

Мужчины выпили еще по одной рюмке, после чего следователь решительно накрыл ее ладонью.

– Достаточно, господа. Хорошего помаленьку. Мне завтра нужен трезвый взгляд на вещи. Думаю, вы правы. В этом происшествии нет ничего загадочного. Обычный бандитский налет с сопредельной территории. Пожалуй, император Цин Го совершенно утратил контроль над своими подданными с северных земель. Террористическо-бандитский район давно пора санировать, да только кто за это возьмется?

– Маньчжуры бесятся, что мы забрали Амурский выступ и отодвинули границы на сотню километров в глубь их территории, – усмехнулся Страж. – Они считают, что обязаны забрать свои земли обратно.

– Кто им отдаст? – проворчал Тихон. – Не дразни медведя – останешься при своих.

– Полагаю, что Цин Го сам провоцирует своих жителей, – высказал свое мнение Астапов, – и в этом нет ничего удивительного. Но… вам лучше знать подоплеку событий.

Это был намек на деятельность Двора, контролировавшего маньчжурское направление. Кто знает, какое количество агентов и резидентов находится по ту сторону границы? И кому, как не Стражу, знать истинное положение дел? Хозяин Двора прекрасно понял, что его хотят вызвать на откровенность, но только улыбнулся в усы и предложил выпить чаю. Разговор сворачивал в сторону пирога с брусничным вареньем. Деликатно, но твердо. Астапов все понял. Он только спросил, где можно заночевать.

– Да господи, куда вам на ночь? Ночуйте у меня, – Страж с удовольствием допил чай и аккуратно отставил в сторону большую кружку, в которую легко входило до полулитра. – Дом большой, дети редко наезжают из города. Привыкли к ярким впечатлениям цивилизации. А здесь глухомань. Внуки вот должны приехать на каникулы, тогда веселее будет.

Астапов не возражал. Если честно, ему совсем не хотелось на ночь глядя ехать в штаб и коротать ночь в неуютной гостевой комнате. А еще ему хотелось подумать не только о произошедшей трагедии, но и о людях, с которыми столкнулся сегодня. Его предупреждали, чтобы он не сильно доверял тем, кто всю жизнь обучался лгать и обманывать и вообще жить в другом мире – мире тайн и интриг. Впрочем, не доверять Стражу или тому же Данилову Астапов пока не имел никаких оснований. Если только в разговоре с остальными свидетелями всплывет что-то интересное и намеренно сокрытое, тогда – да…

Глава третья

Албазин

Уже ближе к вечеру он устало откинулся на спинку стула, расслабляя напряженные мышцы спины и шеи, и с прищуром посмотрел в окно на заходящее солнце. Ярко-красный диск окрасил облака в невообразимо цветастую палитру, в которой преобладали ярко-красные и малиновые цвета, предрекая завтрашним днем ветреную погоду.

Астапов с ненавистью перевел взгляд на большую стопку исписанных листов, среди которых лежал бланк с результатом экспертизы вскрытия всех убитых в лесничестве Харитонова. Спецрейс доставил тела в Албазин только поздно ночью, и патологоанатому понадобилось гораздо больше времени, чтобы провести вскрытие. Следователь особо просил обратить пристальное внимание на женщину, найденную группой Данилова в лесном массиве. Почему он так поступил? Георгий и сам толком не знал, что толкнуло его на эту просьбу. Наитие или подспудное ожидание доказательств того, что его в чем-то обманули? Может быть. Потайники еще те выдумщики.

Интуиция его не обманула. Прочитав заключение эксперта, Астапов грязно выругался, сам того не ожидая от себя. Лжецы, обманщики и интриганы! Ну, и как можно трактовать события последних дней при такой постановке вопроса? Милейший старичок-судмедэксперт Сазантьев не мог ошибиться, потому как был опытнейшим специалистом в своем неприглядном деле. И его убористый почерк на бланке прямо говорил, что Данилов и его хозяин – Страж, вкупе со своими бойцами врали, откровенно врали в глаза и даже не покраснели ни на секунду!

Астапов вскочил и направился к стеклянному шкафчику, умело вставленному между двумя бетонными балками справа от входной двери. Эта строительная несуразица не нравилась бывшему хозяину кабинета, вот он и придумал вставить в нишу высокий шкаф. Получилось очень стильно. А главное, не бросался в глаза входящим. Открыв дверцу, Георгий схватил бутылку «Таманского», налил себе в рюмку и махнул без раздумий. Коньяк обжег гортань, проскользнул внутрь и стал делать свою работу. Для чего же он здесь стоял, если не для профилактических мер?

Женщина недавно освободилась от бремени, решительно писал Сазантьев. Вот как, оказывается! Погибшая имела ребенка, но Данилов ни словом не обмолвился об этом. Хотя он мог и не врать, и неизвестная была одна, без дитяти. Тогда где? На кордоне? Тщательный обыск пепелища не дал никаких результатов. Кроме шестерых взрослых и одного подростка других трупов не нашли. Что же получается, молодая мать бросила ребенка и в одиночку решила убегать от бандитов? Ага, как бы не так! Никакая мать в минуту опасности не отпустит от себя дитя, тем более недавно родившееся! Сама умрет – но оградит его от опасности! Получается, что имеются две версии: ребенок был при матери жив и здоров, но потайники решили скрыть этот факт, изолировав малыша от пытливого взора Астапова. Вторая версия была печальнее: ребенок уже был мертв, но, опять же, по каким-то причинам этот факт тоже скрыли.

Георгий в силу нелогичности второй версии предпочел, чтобы новорожденный остался жив. И для чего сохранили сей факт в тайне – понятно. Сирота – прекрасный материал для подготовки будущего бойца. Именно так. Ребенка выучат всяким шпионским штучкам и приспособят для своих целей. Если мальчик – вылепят супербойца, а девочку могут пристроить для более изящных акций. Теперь в свете лжи и прозрачного цинизма можно смело предположить, что Данилов сокрыл от следствия и вещественные доказательства, которые могли пролить свет на происхождение ребенка. К сожалению, нити оборваны, и понять, каким образом женщина оказалась на кордоне, сейчас не представляется возможным. Да и была ли она там? Может, нападение хунхузов было подстроено с таким расчетом, чтобы вражеский агент в лице этой женщины мог проникнуть на территорию России? Тогда ребенок вписывался в эту ситу-

ацию. Наверняка были и документы для легализации. А разорение кордона – отвлекающий маневр. Тогда кто стрелял в нее? Был еще один персонаж?

Необычная мысль заставила Георгия опрокинуть в себя еще одну порцию коньяка. Да ну, бред! Лучше остановиться на первой и логичной версии. Только еще бы укрепиться в своих подозрениях…

Астапов снял трубку телефона, зачем-то подул в нее, потом набрал один из служебных номеров.

– Барон Коломенцев, – послышался хрипловатый голос абонента. – Слушаю вас.

– Это Астапов, – представился следователь. – Дело к тебе есть.

– А, Жора! – воскликнул невидимый собеседник. – Уже приехал? Что ж сразу не оповестил? Есть интересные новости?

– Более чем, – признался Астапов, – даже не знаю, что и думать.

– Помочь надо?

– В морг сможешь спуститься?

– Пф! Жора, ну, как ты можешь такое предлагать? – голос барона нисколько не поскучнел, даже стал веселее. – У меня сегодня свидание с дамой, а я приду под впечатлением увиденного…

– Алексей, клоунада ни к чему, – поморщился Астапов. – Спустишься?

– Не вопрос. Уже иду.

Барон Коломенцев был старшим волхвом Амурского отделения Имперского сыска и, несмотря на молодость, уже хорошо зарекомендовал себя в определенных кругах. Его привлекали даже военные для своих нужд. Обладая потомственной Силой, Алексей Петрович мог с легкостью оперировать стихиями огня и земли и, по слухам, овладевал подчинением воды. Помощь барона нужна была для окончательного утверждения экспертного заключения и некоторых непонятных вещей, в силу квалификации Астапова, недоступных ему.

Коломенцев ждал его у тяжелой металлической двери, ведущей в подвал, где в своей епархии командовал Сазантьев, и в нетерпении постукивал пальцами по беленой стене. Казалось, он изучал глазок видеокамеры, но, услышав шаги Астапова, резко повернулся.

– Здорово, Жора! Ты меня заинтриговал! Давай же быстрее займемся этим вопросом!

– А чего не звонишь? Думаешь, наш старичок настолько прозорлив, что догадается посмотреть на экран? – усмехнулся Георгий и нажал на кнопку вызова. К его удивлению, дверной замок щелкнул сразу же, впуская гостей внутрь.

– Появились сомнения? – усмехнулся эксперт, снимая с себя белый халат и помещая его на вешалку. – А я собрался домой, господа. Рабочий день, знаете, заканчивается…

– Несколько минут, Аркадий Викторович! – взмолился Астапов, кивая на барона. – Нужно проверить еще кое-что.

– Моя помощь не нужна? – пожилой мужчина надел пиджак, взял в руки массивную резную трость, но остался стоять на месте.

– Вы можете просто посидеть, – барон оглядел помещение, в котором нашлось место для десятка столов, на которых под простынями лежали тела. Конечно, не все столы заняты, это было бы слишком. Но минимум три трупа в хозяйстве Сазантьева сейчас ожидали осмотра. Остальные тела с кордона были сокрыты в холодильных шкафах. – Ну, и кто наш пациент?

Астапов откинул простыню, демонстрируя объект изучения. Коломенцев склонился над телом и провел взглядом от головы до низа живота. Дальше все было прикрыто. Да и не нужно было волхву смотреть на остальное. Зашитый разрез на грудине и животе обо всем говорил. Он просто приложил руки к вискам убитой, замер на несколько секунд, потом хмыкнул.

– Красивая женщина, жить бы да жить, – сказал он спокойно, укрывая тело. – А где ее ребенок?

Астапов показал большой палец Сазантьеву. Старичок снисходительно улыбнулся.

– Ребенка не обнаружили, ни живого, ни мертвого. Вот это и есть самое непонятное, – пояснил Астапов. – Что еще можешь сказать по этому поводу?

– Родила три месяца назад, может, чуть позже, – барон отошел от стола и сложил руки на груди. – Роды были сложными, с большой кровопотерей, не успела восстановиться. Пулевые ранения тоже дали обильный кровоток. Все это и привело к смерти. Если бы у нее хватило сил – сумела бы спастись.

– Тоже версия, господин барон. А что еще увидел?

– Может, не стоит ворошить? – с надеждой спросил волхв.

– Да ну тебя, брось! Говори давай!

– Она – потомственная аристократка, Жора. Древний род. В ней ощущается Сила, только не пойму, какого свойства. Слишком много наслоений. Есть заклятие от слежки, заклятие на отвод взгляда, еще кое-что. В общем, кто-то не хотел, чтобы истинное происхождение женщины стало известно обществу. Такая тихая и незаметная жизнь. Только вот с чем это связано – трудно понять. В чем или ком дело? В ребенке? Тогда где он?

– Боюсь, что ребенка мы не найдем, если он сам не проявит себя, если жив, конечно, – задумчиво произнес Астапов. – Есть у меня подозрения, где он находится, но без доказательств. Разве что по анализу крови.

– Если подключить высших иерархов и дать разрешение на снятие ауры и на молекулярный анализ крови… – задумчиво произнес барон.

– Молодые люди, – подал голос Сазантьев, терпеливо ждущий окончания разговора за столом. – Позвольте дать вам совет: оставьте все как есть. Женщину похоронят как неизвестную, и все забудется. А если вы начнете ворошить ее прошлое, за вами придут такие призраки – помощи не дождетесь. Аристократы не любят, когда влезают в их тайны, пусть даже и невинные. Здесь же я ощущаю большую тайну, и мне не совсем хорошо.

– Тогда мы закончили, – Астапов сделал барону незаметный для эксперта знак, показывая, что хочет поговорить наедине в своем кабинете. Волхв едва кивнул согласно.

Они покинули морг под тихое ворчание Сазантьева, набирающего код на электронном замке. Ворчание относилось никак не к молодым специалистам, а к начальству, заставляющему менять код доступа каждые три дня. Для пожилого эксперта такое положение дел казалось издевательством. По его мнению, морг можно было вообще не закрывать, ибо мало кто согласится добровольно посетить сие заведение, даже с крамольными мыслями. У Астапова было другое мнение, а после таинственного происшествия и новых обстоятельств паранойя усилилась.

– Так что ты хотел сказать? – Алексей вошел в кабинет Астапова вслед за хозяином, плотно прикрыл дверь и совсем по-свойски достал из шкафа бутылку коньяка с рюмками. Разлил напиток и первым показал, что нужно с ним делать.

– Снял ауру? – отдышался Астапов.

– На раз-два, – усмехнулся барон. – Думаешь, дело перспективное?

– И опасное, – добавил следователь, обессиленно падая в кресло, которое одиноко стояло в дальнем углу кабинета возле окна. – Аристократка в глухой амурской тайге, предположительно чудом избегает гибели при нападении хунхузов, но умирает от огнестрельных ран. Ребенок при ней. В этот момент опять случается чудо: представители Тайного двора проезжают мимо, останавливаются именно в нужном месте и находят ребенка. Забирают его и тщательно скрывают сам факт произошедшего. Зачем – и так ясно…

– Боец-невидимка, вроде японских ниндзяцу, – хмыкнул Коломенцев. – Понятно, что сироту легче воспитать в нужном направлении. Поддерживаю версию, что ребенок жив. Да это и чувствовалось по ауре женщины. Она была уверена в том, что спасла ребенка. Спокойные и расслабленные тона гаснущего ментального тела я отчетливо увидел.

– Пол можешь определить? – с надеждой спросил Георгий.

– Я не бог, Жора! – засмеялся волхв, снова наполняя рюмки. – Увы, но здесь нужно копать с другого края.

– С какого края? Следы запутали окончательно!

– Жора, ты же аналитик, мать твою! – воскликнул барон. – Сам прикинь, как поступит Страж, когда на руках чужой ребенок? Что в первую очередь нужно новорожденному?

– Молоко?

– Ура, поздравляю! Конечно, титька! Значит, для ребенка сразу находят кормящую мать, которую можно отыскать в любом населенном пункте. Потом нужно легализовать этого найденыша, чтобы он официально проходил по метрикам рождения.

– Начинаю врубаться, – улыбнулся Астапов. – Полагаешь, что будет попытка подкупа персонала городского родильного дома?

– Обязательно так и будет, – барон бесцеремонно сел на пустой стол следователя и оперся на него руками. – Значит, маленький следочек уже можно обнаружить. Пусть не сразу, но проверить надо. Предлагаю затаиться, чтобы не спугнуть наших любителей тайных игр. Пусть думают, что пронесло.

– А что нам с этого ребенка? – задал мучающий его вопрос Астапов. – Как он поможет в расследовании?

– В расследовании он уже не поможет, но мы сможем выйти на родственников и размотать ниточку с другого конца, как я и говорил. Если здесь родовая тайна – язык следует держать крепко за зубами. Медленно, без спешки, Жора! А пока советую пробить по базе данных всех потерявшихся молодых девушек за пять лет. Да, пальцем в небо! Учти, что аристократы вообще стараются вести поиски своих родственников по другим каналам, привлекая для этого Стражей. Здесь мы ничего не обнаружим. А вот купеческое сословие охотно контактирует с Имперским сыском.

– Но ведь погибшая – родовитая дама. При чем здесь купечество?

– Вот и проверь по фотографиям. Загрузи в служебную базу посмертный снимок женщины и, дай бог, что-нибудь и отроешь. А иначе – сплошь пустота и профанация. Дело можно закрывать.

– Спасибо, добрый волшебник, – съязвил Астапов. – Ты мне очень помог.

– Ты меня не благодари, – барон постучал по почти пустой бутылке коньяка. – Тебе еще к Бернгарду ехать с докладом. Посиди, накидай план дальнейших действий. Обязательно сделай упор на работу с родильным домом. Ищи тех, кто родил двойню или тройню. Наши оппоненты обязательно устроят трюк с пристраиванием найденыша к какому-нибудь новорожденному. Особое внимание – к роженицам из Раздольной.

– Сообразил, не дурак, – усмехнулся следователь.

Волхв соскочил со стола и направился к двери. Вдруг остановился, словно что-то забыл, потом сказал:

– Со своей стороны попробую выяснить, можно ли через слепок ауры выйти на родовых носителей оного. – Коломенцев поправил воротник своего мундира, сделал прощальный жест рукой и только хотел выйти наружу, как Астапов окликнул его.

– Подожди, Леша. Наличие амулета может спасти от пули?

– Может, но не всегда, – покачал головой барон. – Магическая пуля, заточенная на пробивание даже мощной защиты, сразу нивелирует все преимущество владельца оберега. Но это дело хлопотное, я имею в виду изготовление специальных боеприпасов. Другой вариант подразумевает только то, что клиент снимает свой амулет и отдает кому-то другому, более слабому. Увы, но в таком случае никакой гарантии для храбреца нет.

– Кто изготавливает такие патроны?

– В России таких умельцев уже давно посчитали и держат на контроле. Ни один патрон налево не уйдет. Каждая новая партия поступает в хранилища спецслужб. А вот из-за «бугра» привезти – такой вариант допускается.

Коломенцев сделал прощальный жест и покинул, наконец, своего дотошливого товарища. Астапов тяжело вздохнул, оторвался от мягкого кресла и встал у окна. Солнце уже село за горизонт, и мягкие сумерки накрыли город. Включились уличные фонари, осветившие мягким светом густые кроны тополей и кленов. По широкой Набережной улице непрерывным потоком шли машины. Часть потока сворачивала к мосту, перекинутому через Амур, и уходила на правый берег, где на обширной территории обосновались особняки особо влиятельных и просто богатых людей города. Бывшая территория Маньчжурской империи в ходе трехмесячного конфликта между сопредельными странами в самом конце шестьдесят пятого года закончилась подписанием мирного договора. Россия приросла еще двумястами квадратными километрами правобережья. Граница была отодвинута от Амура, что позволило облегченно вздохнуть всему населению Албазина. Такое положение дел способствовало расцвету города. Теперь он гигантскими темпами строился и раздвигал свои границы, кроме южного направления. В Генштабе всерьез опасались в случае большой войны потерять новые территории и всячески давили на нынешнего императора Александра IV, чтобы тот не позволял городу расширять инфраструктуру за Амуром.

Да, всего лишь за последние двадцать лет небольшой приграничный город Албазин стал мощным форпостом на маньчжурском направлении, а когда-то был тем еще захолустьем, куда отправляли служить провинившихся чиновников и военных, да и тех, от кого хотели избавиться таким вот способом: службой на границе. Открытие золотоносной жилы в районе Джалинды привлекло внимание нескольких аристократических кланов, но им не дали скупить государственные земли. Право на разработку приисков получила Благовещенская золотоносная артель. Джалиндинского золота было не столь много, как хотелось бы властительным мужам, но даже такого количества хватило, чтобы разработка жилы привлекла к себе внимание многих ушлых предпринимателей. Благодаря этому, в Албазине народилось много контор различных побочных услуг, стали строить хорошую дорогу, проложили железнодорожную ветку до самого Транссиба. В общем, жизнь закипела. Многочисленные охранные структуры росли, как грибы после дождя. Маньчжурам не понравилась деловая активность на берегах Амура, и императорская канцелярия Цин Го завалила претензиями и дипломатическими нотами Министерство иностранных дел в Санкт-Петербурге и русское консульство в Синьцзине – столице Маньчжурии. Видимо, политики опасались, что развитие региона приведет к образованию новой Амурской кампании, вроде той, в 1883 году, когда сотни и тысячи русских крестьян, казаков и вольных ватаг перешли Амур и самовольно образовали на реке Желта так называемую Желтугинскую республику. Сила золота способна стирать границы, крушить старые империи и создавать новые.

Еще раз вздохнув, Астапов вышел из кабинета, прошел несколько шагов по коридору и заглянул в полуоткрытую дверь смежной с его кабинетом комнаты. За столом сидел молодой парень в светлой форменной рубашке с погонами лейтенанта и не отрываясь смотрел на экран, где мелькали какие-то таблицы и фотографии. Слева от него стояли кружка с чаем и надкусанный бутерброд на блюдце. Парень настолько увлекся своей работой, что не услышал, как Астапов встал за его спиной и с интересом вгляделся в мелькающие страницы документов и таблиц.

– Почему не идешь домой, Витя? – спросил он, наконец.

Лейтенанта словно током ударили. Он смешно подпрыгнул на месте и резко повернулся. Увидев Астапова, расслабился.

– Уф, Георгий Ефремович, зачем так пугать? – Парень вскочил.

– Да сиди уж, трудоголик, – махнул рукой Астапов. – Чем занимаешься? Не по нашему делу?

– По нападению на лесничество Харитонова я уже отработал, – доложил Виктор. – Все указывает на диверсионную работу хунхузов. Слишком много следов, указывающих на них. Это и настораживает. Словно специально подкинули метки, отвлекающие от истинного пути.

– Тоже заметил? – хмыкнул Астапов. – Молодец. Только что это нам дает? Практически ничего. Все свидетели мертвы. Концов не осталось. И жила ли там наша аристократка?

– Ого! – лейтенант сразу присел. – Как выяснили?

– По ауре. Коломенцев помог.

– Все равно мало, – парень почесал макушку. – Я вот что нашел, просматривая маршруты пассажирского транспорта из Рухлово[1], что такси, что автобусы. Большая часть из них пользуются континентальной трассой, чтобы добраться до Албазина, а небольшие частные компании развозят клиентов по лесным дорогам, грунтовкам, которых даже на картах не обнаружить. А почему бы не расспросить в этих конторах, подвозили они кого-нибудь в лесничество за несколько месяцев до нападения хунхузов? Тем более, круг у нас строго очерчен: молодая женщина, возможно, уже на последних сроках беременности или же с младенцем. Фотография, пусть и посмертная, у нас есть. Кто-нибудь да опознает.

– Молодец, лейтенант! – уважительно кивнул головой Астапов. – След холодный, но все равно требует отработки. Значит, завтра оформляешь подорожную до Рухлово на себя и Молодецкую. Звони Полине и предупреди, что выезжаете в служебную командировку. До обеда успеешь оформить?

– Конечно, без проблем.

– Держите меня в курсе. Если что раскопаете – сразу связывайтесь со мной, – Астапов положил руку на плечо лейтенанта. – И еще тебе задание: загрузи фото погибшей и поищи в каталоге пропавших. Может, счастье улыбнется нам. Исходные данные: двадцать пять лет, аристократка.

– Очень информативно, – скривился в улыбке Виктор. – Таких пруд пруди. Каждый день пропадают.

– Но не из родовых кланов. Ты же знаешь трепетное отношение аристократов к своей приватности. Это будет счастьем, если мы раскопаем что-нибудь. Ладно, задержись еще на часок, потом домой топай. Я оставлю распоряжение по командировке оперативному дежурному. Все, я отдыхать.

[1] *Рухлово* – в данном случае это Сковородино в настоящей России. Так как в альтернативном мире Октябрьской революции не произошло, то и смысла переименовывать Рухлово в честь А. Н. Сковородина – первого председателя поселкового совета, расстрелянного в 1920 году японцами – не было. Сейчас Рухлово – большой город, стоящий на Транссибирской магистрали.

Глава четвертая

Албазин, два дня спустя

Войдя в свой кабинет, он поморщился. Телефон надрывался так, словно кто-то пытался любой ценой прорваться к Астапову. Звонок был междугородний. Схватив трубку, прижал к уху.

– Старший следователь Астапов слушает, – буркнул Георгий.

– Господин капитан! – это был голос Зинченко. Судя по тому, как он дрожал в нетерпении, что-то Виктор раскопал. – Вы меня хорошо слышите?

– Да хватит уже голосить! Ближе к делу!

– В общем, мы выяснили, что погибшая была в Рухлово полгода назад! Ее опознали в компании «Мотор-такси», хозяин – некий Абашеев. Водитель помнит женщину и сразу сказал, что она на тот период была беременна, чуть ли не на сносях. Ее сопровождал какой-то господин, но кто он, откуда – история умалчивает. У женщины была большая дорожная сумка. Сама одета прилично. Вот, в общем, и все. Заказ такси был до лесничества Харитонова. От Рухлово получается сто с лишним километров по глухим таежным дорогам. Водитель запросил большую сумму, но, к его удивлению, мужчина без лишних слов расплатился, только просил ехать быстрее.

– Откуда она прибыла? – быстро спросил Астапов.

– Увы, не смогли выяснить. Полагаю, что сопровождающий ее мужчина любыми путями скрывал маршрут передвижения. Я просил водителя описать его. Похоже, что это отставной офицер. Выправка, голос. Оружие было при нем. Не гражданская модель, а именно военный.

– Какой внимательный водитель, – хмыкнул Астапов.

– Ага. Сказал, что это девятимиллиметровый «Люггер», образца восемьдесят пятого года. Видимо, увлекается оружием. Уверенно так ответил, – раздался смешок Зинченко. – Впрочем, я склонен ему верить. К сожалению, по описанию мы не смогли найти нужного человека. След в этом направлении потерян.

– Ладно, это уже что-то, – Георгию стало жарко. – Мы имеем беременную женщину, которая в сопровождении незнакомого мужчины, предположительно отставного военного, проследовала из Рухлово к границе на кордон Харитонова предположительно в конце января – начале февраля. Срок беременности – семь, около восьми месяцев. Значит, волхв правильно вычислил возраст младенца. А как они проехали в лесничество по лесным дорогам да еще зимой?

– Да по зимнику и шли. Есть там несколько накатанных дорог. Специально грейдером укатывают, чтобы быстро до границы перебрасывать воинские подразделения в случае нападения. Все-таки приграничный район.

– Понятно. Если у вас ничего больше нет – возвращайтесь. Жду результатов по базам пропавших.

Астапов не выглядел неудовлетворенным. Это уже было что-то, пусть и зыбкий, расплывающийся, но след. Теперь можно поработать со списком рожениц, который любезно предоставили ему из губернского филиала Минздрава, которые только готовились стать мамами, и второй список с уже родившими. Причем те, кто проживал в Раздольной и в ближайших станицах, выделены в особую графу. Напротив каждой фамилии стояло заключение медика-волхва с результатами снятой ауры, где указывался пол ребенка и количество, если их было несколько. За прошедшие после известных событий дни родилось пять двоен и одна тройня. Волхв четко указал, что все они – единокровные, то есть попытки внести путаницу в метрики не наблюдалось. На подходе была еще пара женщин: одна из Раздольной, а вторая – из станицы Лесной, находившейся за Амуром, на бывшей территории Маньчжурии. Это уже был пригород Албазина.

Георгий набрал номер рабочего телефона волхва-медика, со всей любезностью указанный в конце списка, представился, как только услышал глухое «слушаю, Метлихин», и коротко объяснил суть звонка.

– Вы уже проводили снятие ауры у гражданок Прохоровой и Чернояровой?

– Да, как только они поступили в родильное отделение, – ответил Метлихин, слегка задержавшись с ответом, видимо сверяясь по записям. Было слышно, как шуршат листочки то ли блокнота, то ли тетради. – Вся нужная информация по здоровью и состоянию плодов зафиксирована.

– Вы подтверждаете, что у обеих рожениц двойни?

– Конечно. В этом нет никаких сомнений, – волхв снова говорил с короткими паузами, словно рядом с ним кто-то находился в кабинете, и ему не очень хотелось разглашать служебную информацию. – Для вас пол важен?

– Нет, это ни к чему. Просто удивительно, что много двоен.

– Ну, не просто двоен. Даже близнецы присутствуют, – голос медика наконец-то обрел живые интонации. – Видимо, звезды благоволят…

– Вам виднее, – усмехнулся Астапов. – Большое спасибо. Вы не будете возражать, если я буду связываться с вами каждые пять дней? Это продлится недолго, уверяю. Возможно, еще будет пара звонков…

– Какие проблемы, господин следователь? Всегда готов помочь. До свидания.

«Или мы что-то упустили, или перехитрили сами себя, – раздраженно подумал Астапов. – Для чего вообще ребенка вписывать в метрики, проводить такие сложные комбинации? Если только учитывать тот факт, что он – потомственный аристократ с данной ему Силой и легализация в обществе нужна для получения образования, – то конечно. Представители Двора прибегнут к различным ухищрениям. Заиметь аристократа с Силой, дать ему специфические знания для будущих прожектов – для этого стоит рискнуть. Отсюда новый вопрос: а для чего им такая дальняя стратегия? Нет ли здесь попытки влияния на расклад в государственном устройстве империи?»

Такими темпами можно было додуматься до чего угодно, и чтобы окончательно не свихнуться от мыслей, роящихся в голове, Астапов решительно закрыл кабинет, спустился вниз, доложил оперативному дежурному, что едет домой и вернется на службу через три часа, спокойно вышел на улицу. Жил он от здания губернского министерства внутренних дел совсем недалеко. Пару сотен шагов по Офицерской; потом пересечь перекресток Приграничной и свернуть в проулок, где находились скромные особняки служителей правопорядка.

Увлекшись рассуждениями, Астапов не заметил, что за ним медленно катит темно-красный «Рено-Соболь». Если даже он догадался бы посмотреть назад, то ничего предосудительного бы не заметил. Машина и машина, пусть и редкая в Албазине, представительского класса, к таким с симпатией относится золотая молодежь из родовитых семей. Хотя в этом случае номер автомобиля Георгий наверняка запомнил бы.

Россия, где-то под Вологдой, родовое поместье Назаровых, июль 1993 года

Холодно и неуютно старому человеку в опустевшем доме, когда-то наполненном детским смехом, разговорами взрослых мужчин и женщин, запахами вкусной пищи, лаем взбудораженных предстоящей охотой гончих. Ничего этого не осталось. Кроме пары верных слуг и такого же разваливающегося на ходу управляющего, в поместье абсолютное безлюдье. Цветущее дерево безжалостно вырублено, не осталось никого, кто бы принял на себя обязательство спасти корни – род.

Неизвестно, как он – патриарх рода – еще держится под тяжелыми ударами судьбы. Трое детей безжалостно вычеркнуты из жизни врагами, тянущими свои поганые руки ко всему, что создано предками и передано по главной линии. Тайные знания бесценны – их просто так не

отдать, разве что вместе с головой. Сокровища в результате умелых действий были преобразованы в мощные активы, дававшие неплохую прибыль: ткацкие мануфактуры, заводы, хлопковые поля в Средней Азии, а позже – современные технологические линии, позволявшие выпускать такую продукцию, которая конкурировала с европейскими образцами, а уж китайские и японские шелка далеко отстали в своем желании обогнать «назаровские полотна».

Трое детей, восемь внуков в могиле – таков результат войны, тянущийся не один десяток лет. Анатолий Архипович подозревал, кто подрубает корни, но вынужден был тратить все ресурсы на отражение атак со стороны наглого купечества и некоторых родовитых семей, действовавших – и это несомненно – совокупно с тайным врагом. Хотя какой он тайный? Давно, еще в пору своей зрелости, Назаров столкнулся со странностями, преследующими их род. Кто-то методично подбирался к архивам аристократических кланов, хранящимся в Имперском фонде в Санкт-Петербурге. Искали целенаправленно тех, кто считал себя потомками ариев, имевших в крови Силу четырех стихий. Именно овладение всеми магическими техниками не давало покоя врагам из родов, смешавших свою кровь с англосаксонскими, германскими или романскими домами. И фамилии этих врагов Назаров знал давно. Недаром в Имперском отделе спецопераций ему по старой памяти и за заслуги перед Отечеством дали выход на многочисленные старые и старинные документы, где было написано много чего интересного. Анатолий Архипович отличался великолепной зрительной памятью. Имена, связи – все это он постарался зафиксировать в голове, потому что знал: ему не дадут даже возможности сделать копии для личного пользования. Устное изучение – только так.

И родственники: вместо того чтобы поддержать главу рода в тяжелые времена, трусливо дистанцировались от развивающихся событий и появились тогда, когда почти некому было отстоять богатства основной ветви Назаровых. Оставалась только надежда на Валечку – единственную внучку его младшего сына. Анатолий Архипович, чувствуя, что петля сжимается у него на горле, заблаговременно спрятал Валентину в такой таежной глухомани, куда, кроме медведей, мало кто заглядывает, и вздохнул с облегчением. Решение пришло сразу после того, как внучка сказала деду о своей беременности. Кто отец – она решительно отказалась называть его имя. В цейтноте уже не оставалось времени на выяснение чистоты крови незнакомца. Надежда на сохранение Силы, пусть и разбавленной чьей-то кровью, оставалась. Рано или поздно кланы Краусе и Китсеров – этой подлючей ветви романо-германского происхождения – доберутся и до Валентины.

Ему помог отставной офицер имперской госбезопасности майор Голубев, согласившийся доставить внучку через всю Россию в Амурскую губернию к своему старинному другу, который, по его словам, мог надежно спрятать девушку. Перекрестив Валечку, Назаров с тяжелым сердцем отправил ее далеко от себя. Удивительно, в свои восемьдесят с лишним лет Анатолий Архипович считал, что может постоять не только за себя. Он до сих пор с легкостью разгибал подковы, выбивал сотню очков в мишени из своего фирменного пятнадцатизарядного «Штайера», но случись рукопашная – здесь уже возраст давал о себе знать.

Двустворчатые двери гостиной распахнулись, и на пороге возник его управляющий, седовласый мужчина едва ли не с военной выправкой. Темно-фиолетовый китель с шевроном родового знака – рубин в обрамлении свастики – на левом рукаве, элегантно сидел на его поджарой сухощавой фигуре.

– Чего тебе, Сашка? – недовольно буркнул Назаров, слегка повернув голову в его сторону. Заложив руки за спину, он изучал портреты своих предков, и делал это с таким видом, что сейчас для него важнее дела нет.

Сашка, которому лет было чуть меньше патриарха, слегка склонился, демонстрируя плешь на макушке, прикрываемую редкими посеребренными волосами.

– Прибыл представитель Китсеров – барон Катаев, – доложил управляющий, отчего его голос прозвучал гулко в пустом помещении.

– Со всей своей сворой? – поморщился Назаров.

– Без них – никуда, – бесстрастно ответил Сашка. – Я пустил только барона, а его бандитам категорически запретил переступать порог дома. Пусть на крыльце топчутся.

– Герой ты, Сашка! Что бы я без тебя делал, – усмехнулся патриарх и сел в кресло так, чтобы смотреть на вход. – Зови эту отрыжку рода. Что ему еще надо?

– Рожа у него донельзя довольная, – с непонятной интонацией произнес старик-управляющий. – Какую-то пакость сейчас скажет.

Катаев появился в гостиной с самым решительным видом. Сашка был прав. На лице барона светилась полуулыбка, которая не могла предвещать ничего хорошего для Назарова, уже привыкшего к нокаутирующим ударам судьбы. На сердце заскребли кошки. Что на этот раз?

– Господин Назаров, добрый день! – Катаев бросил быстрый взгляд по сторонам, словно опасался присутствия посторонних лиц. – Приятно видеть вас в добром здравии!

– Как говорят истинные евреи: не дождетесь! – последний представитель рода грузно пошевелился в кресле. – Да не зыркай ты глазами! Один я. Говори, что надобно, и проваливай. Недосуг мне.

– Вижу по вашему оружию, спрятанному в левом кармане пиджака, что так оно и есть, – Катаев усмехнулся одними белесыми глазами. – Боюсь, что выслушать меня придется без всякой спешки. Господин Краусе хотел бы знать ответ по активам.

– Дурака легче научить азбуке, чем Краусе вдолбить в голову мой ответ: активы останутся при мне до самой смерти. И даже после нее у вас нет никакой возможности перевести их на себя, – Назаров демонстративно вытащил «Штайер» и положил его на колени. – Вы лишили меня всех источников дохода, кроме нескольких предприятий. Иногда кажется, что методы Краусе и Китсеров схожи с методами нуворишей, старающихся сразу захапать весь кусок. Давятся, но жрут!

– Грубость вам не к лицу, – Катаев выглядел невозмутимым. – Пять тонкосуконных предприятий по стране, десять процентов акций в банке «Держава» – разве это не стоит вашего спокойствия? И еще: доступ к носителям Силы всех стихий.

– Рожа не треснет? – грубо спросил старик.

– Не треснет. Это в ваших интересах, чтобы мы закончили вас беспокоить. Сдайте все и живите в свое удовольствие. Банковских вкладов вам хватит до конца жизни, а остальное – ни к чему.

– Каждый раз одно и то же, – скривился Назаров. – Придумайте что-нибудь другое.

– Хорошо, раз вы такой требовательный. Вы же знаете Валентину Назарову? Она, кажется, ваша последняя внучка? Самая младшая. Валентина Андреевна Назарова. Сейчас находится в Амурской губернии в одном из лесничеств. Что вы так смотрите? Не знали, что она уехала чуть ли ни на границу с Маньчжурией?

На старика было страшно смотреть. Он побагровел, губы кривились в беззвучном ругательстве, а рука с пистолетом сама поднялась и застыла на уровне живота Катаева. Воздух в зале заметно сгустился, посланник неверным движением оттянул ворот рубашки, словно стал задыхаться, но сразу пришел в себя.

– Не советую, – голос барона стал жестким, стальным. – Сами понимаете, что моя смерть не решит проблему безопасности девушки. Мы знаем, где она, постоянно следим. И да, она благополучно родила мальчика. Вес три восемьсот. Назвала Никитой. Теперь вы видите, что мы держим вас на коротком поводке, чтобы не вздумали наломать дров в таком состоянии. Вам плохо? Где у вас вода?

– Не трогайте… ее, – прохрипел задыхающимся от ненависти голосом старик. – Иначе… я сам пойду на вас войной. Откручу голову старому козлу Краусе и уничтожу весь корень! Клянусь, я сделаю это!

– Так что передать? – барон Катаев безразлично смотрел на корчащегося в кресле Назарова.

– Через неделю пусть оба приезжают сюда, – Назаров с трудом положил пистолет на колени. – С гарантией безопасности моей внучки.

– Три дня, господин Назаров! – Катаев поднял большой палец. – У нас нет времени на долгое ожидание. Три дня! Таковы условия. И все эти три дня жизнь наследницы в наших руках. Торопитесь, если хотите увидеть ее.

Больше не говоря ни слова, собеседник развернулся и направился к выходу. Столкнувшись в широком коридоре с мрачным Сашкой, вежливо сказал, чтобы тот шел к своему хозяину и помог ему. А сам прошествовал дальше, с силой толкнул тяжелые створки стеклянных дверей, ведущих на уличное крыльцо. Двое мордоворотов в одинаковых пиджаках, увидев мужчину, побросали недокуренные сигареты на землю и без слов двинулись за ним к машине. Серебряный «Руссо-Балт актив» заурчал мотором. Водитель поднял бликнувшее на солнце стекло, дождался, когда пассажиры рассядутся по своим местам, с пробуксовкой рванул в сторону решетчатого забора с открытыми воротами, оставляя на старом потрескавшемся асфальте черные следы от шин.

Катаев, сидя на заднем сиденье, поднял трубку телефона со станции, прикрепленной к спинке водительского кресла, нажал на нужную кнопку, дождался вызова. Ответил бесстрастно:

– Я сломал его. Он готов к переговорам через три дня… Нет. Я не говорил ему о гибели внучки и исчезновении младенца. Понимаю, да… Я посчитал, что его нужно додавить до того момента, пока старый хрыч не узнал о событиях в тайге. Потому что тогда Назаров начнет войну. У него достаточно влиятельных друзей вне клана. Оно нам совершенно не надо… Да, я скоро буду на месте, и там все расскажу.

Глава пятая

Албазин, июль 1993 года

День, с самого начала не задавшийся, совсем расстроил Георгия. Вернувшийся из командировки лейтенант Зинченко занялся базой данных по пропавшим. Вердикт был неутешительный: погибшая молодая женщина нигде не числилась. Ни в реестре разыскиваемых по уголовным делам, ни в списках пропавших без вести. Пустышка, которую Астапов ожидал, но с толикой надежды.

После обеда к нему заглянул барон Коломенцев и тоже «обрадовал». Высшие иерархи дали категорический отказ на проведение проверки слепка ауры, мотивируя его какими-то своими моральными категориями и инструкциями. Это не значит, что ауру вообще не проверяли. В среде аристократии нередки были самозванцы и проходимцы, играющие свою игру. Тогда в дело вступали другие правила. Разоблачить таких людей после процедуры «сличения» не составляло труда. Тем более странным был отказ иерархической коллегии.

– Когда я им объяснил суть дела, меня даже слушать больше не стали, – жаловался волхв, сидя на подоконнике в кабинете Астапова. – Попросили не беспокоить важных господ вещами, которыми должен заниматься Имперский сыск, в коем состою и я. Намек был понят, но я попытался им доказать, что не мог ошибиться и аура женщины категорически показывает на ее принадлежность к знатному роду. Знаешь, что мне сказали?

– Пожурили тебя за некомпетентность, – потер виски Георгий. – К сожалению, неприязнь любого коллектива, где сильны позиции старческой команды, к активной молодежи остается нашим проблемным местом. Времена меняются, а принципы затирания талантов никуда не ушли.

– Надо же, разложил все по полочкам, – не удивился барон. – А меня это задело, Жора, понимаешь? Если бы мы получили подтверждение знатности погибшей, то дело развернулось бы совсем в другую сторону. А что теперь? Женщину похоронили, когда ее аура истончилась, и хорошо, что я сумел ее снять. Только для чего такие знания?

– Пора заканчивать с этим делом, – махнул рукой Георгий. – Все следы оборваны. Бесперспективность полнейшая. После обеда меня вызывает директор отдела для отчета. Сдаю дело и получаю новое. Без работы не оставят.

Астапов вдруг тяжело вздохнул и откинулся на спинку кресла. На виски давила тупая боль, которая с каждым разом становилась все сильнее и сильнее. Надо бы принять таблетку, пока спазмы в голове не сделали жизнь невыносимой до конца дня.

– Голова болит? – участливо спросил барон.

– Угу, сил нет терпеть.

– Погода меняется, – Коломенцев посмотрел в окно, за которым внезапно пропало солнце и все краски дня внезапно поблекли под плывущими серыми облаками со стороны Маньчжурии.

– Я и сам вижу, – фыркнул Астапов. – Провидец хренов.

– Ты не понял, – барон легко спрыгнул с подоконника и подошел к товарищу. – Будет буря. Меня тоже всего корежит. Волхвы больше чувствительны к таким вещам. Ладно, я попробую снять твою боль, но не рассчитывай на такое счастье. Я не лекарь, меня не учили исправлять ауру больного человека.

– Я здоров, – возразил Георгий, – только башка болит.

Внезапно холодные ладони вставшего за креслом волхва обхватили его голову с двух сторон и легко надавили на виски. Секунд пять-десять ничего не происходило, а потом пришло ощущение какого-то вмешательства. Словно мощный механизм затормозил сжатие гигантского пресса, и стучащая боль, хоть не прекратилась сразу, но периодичность ее увеличилась,

а потом пошла на убыль. Стало так хорошо и покойно, что Георгий в блаженстве закрыл глаза и даже не понял, почему его трясут.

– Вот наглец, – удивленно произнес барон. – Я тут упираюсь, выправляю энергетические токи, а он дрыхнет. Совесть-то есть у тебя?

– Посмотри в шкафчике, – посоветовал Астапов. – Вчера только приобрел. Совесть называется «Шустовский». Это поможет тебе восстановиться.

– Сечешь, – удовлетворенно произнес волхв, но не сделал и шага в ту сторону. – Я потом воспользуюсь твоим предложением. Если ты в порядке, я пойду. Будут вопросы – знаешь, где меня искать.

* * *

Буря, предсказанная Коломенцевым, налетела после обеда. Сначала мощный поток ветра прошелся над водами Амура, подняв большую волну, потом разбушевался на улицах, поднимая мусор в налившееся свинцом небо. Кроны деревьев со стоном гнулись к земле, слабые ветки обламывались и с кувырками летели в разные стороны. Окна министерства, приняв на себя первый удар, тяжело загудели, но стойко выдержали напор стихии.

А потом пошел дождь. Он гулко бил в оконные рамы, заливал улицы и подобно кофейной пенке взбивал водную поверхность Амура. Мгновенно появившиеся широкие грязные потоки понеслись по трассе и тротуарам, разгоняя запоздавших прохожих по помещениям и высоким, недоступным для водных потоков местам.

Выйдя из кабинета директора отдела после доклада, Астапов с каким-то облегчением подумал, что оно и к лучшему, что дело о погибшей в тайге женщине закрыто. Где-то на периферии сознания царапала мысль о пропавшем младенце. Георгий пытался отмахнуться от нее, но она все время возвращалась к нему, вызывая раздражение. Мешала. Цепляла. Не давала покоя весь день.

К тому времени, когда Астапов собрался домой, дождь закончился и можно было без опаски выходить наружу. Хорошая ливневая система не оставила луж ни на тротуаре, ни на проезжей части. Настроение портил порывистый холодный ветер. Накинув на себя плащ, который всегда висел у Астапова в кабинете, и подняв воротник, Георгий зашагал в сторону дома. С раздражением заметил темно-красный «Рено-Соболь», выглядевший в мрачных сумерках не совсем уместно. Машина медленно катилась по дороге в том же направлении, что шел и следователь. Отметив, что она не собирается набирать скорость и обогнать его, Георгий заинтересовался странным поведением водителя. Конечно, он не делал попыток разглядеть лицо сидящего за рулем человека – такое было совершенно бесполезно за тонированным окном, да и блики уличных фонарей, уже вспыхнувших вдоль дороги, мешали.

«„Золотая молодежь” развлекается», – лениво подумал Астапов, поравнявшись с ярко освещенными витринами кофейни, куда он иногда заходил выпить чашку-другую «арабики». Внезапно ему захотелось горячего напитка со свежей булочкой. Плюнув на ждущий его дома ужин, он резко повернулся и толкнул дверь заведения, сразу окунувшись в будоражащие запахи ванили, корицы и терпкого – кофе.

Стоявшая за прилавком девушка в белом переднике и кокетливой беретке на голове с красной надписью «Кофейный дом Исаевых» приветливо улыбнулась вошедшему Астапову. Оглядевшись, следователь понял, что он – единственный посетитель в зале.

– Чашку кофе и пару булочек с вишневым джемом, – сделал он выбор, оплатил заказ и прошел в дальний угол с легким пластиковым подносом. Сел за столик таким образом, чтобы видеть вход, и сразу же наткнулся взглядом на невысокого мужчину в сером в тонкую полоску костюме, открывающего дверь. Отсутствие плаща или зонта говорило о том, что посетитель вышел из машины. И это был «Рено-Соболь». Тот самый, раздражающе темно-красный.

Мужчине на вид было лет тридцать. Моложавый, спортивного телосложения, свой невысокий рост он компенсировал отменной фигурой и мощным разлетом плеч. Типичный «тягач», любящий работать с железом, отметил Астапов, не похож на молодого мажора, прожигающего жизнь в веселье и праздном раскатывании по улицам города.

Тем временем посетитель купил чашку кофе и направился к столику Астапова. Георгий не успел ничего понять, как мужчина сел напротив него, вытащил из внутреннего кармана пачку сигарет и блестящую никелированную зажигалку, пододвинул к себе пепельницу, но этим дело и закончилось. Астапов успел заметить у странного человека под мышкой кобуру пистолета, словно он специально демонстрировал наличие оружия. Впрочем, данная ситуация ничего не объясняла. В России любой гражданин мог носить «короткоствол», если имел разрешение. Мало ли зачем человеку нужен пистолет. Охранник, телохранитель, просто любитель пострелять по мишеням.

– Вообще-то в зале полно не занятых столиков, – стараясь быть любезным, сказал Астапов. У него сразу пропал аппетит.

– А я намеренно сел к вам, – улыбнулся мужчина, обнажая ровный ряд зубов, – Георгий Ефремович.

– Я не знаю вас, поэтому было бы лучше оставить меня в покое, – Георгий поглядел в карие глаза незнакомца.

– Боюсь, что вам придется некоторое время выносить мое присутствие. Можете звать меня Сергеем. Так будет проще. Вы позволите? – мужчина не выдержал и закурил. Сказал, словно извинялся: – Одно из немногих мест, где можно подымить. В машине не разрешает хозяин, а мне приходится большую часть времени проводить за рулем.

– По какому поводу хотите поговорить? – Астапов взял себя в руки, нарочито медленно отпил остывающий кофе.

– Вы же знакомы с господином Коломенцевым, волхвом из отдела сыска? Не далее как пару дней назад он сделал попытку выйти на высших иерархов с целью прояснить ситуацию с отпечатком ауры одного умершего человека. А точнее, женщины, которую нашли убитой в тайге неподалеку от станицы Раздольной. Мой хозяин… Нет, те, кто выше моего хозяина, немного огорчены таким большим вниманием к рядовому событию.

– Бред говорите, уважаемый, – тихо засмеялся Астапов. – Налицо нелогичное поведение людей, совершенно не связанных с «рядовым событием». А иначе получается, что вы знали убитую и сознательно не содействуете следствию, да еще запугиваете его исполнителей. Откуда, например, вы узнали о желании господина Коломенцева и его попытках договориться о расшифровке ауры? Вмешательство в следствие карается по закону, знаете?

– Наслышан, – улыбнулся Сергей. – Мой работодатель хочет получить одну вещь, принадлежащую погибшей женщине. Вы, надеюсь, знаете, о чем идет речь?

– Понятия не имею, – искренне удивился Астапов. – При убитой не было никаких вещей, кроме одежды…

– Вот как? – В голосе собеседника сквозило недоверие. – Никаких фамильных ценностей, опознавательных медальонов и прочего барахла?

– Даже если бы и были искомые вещи, все равно вам ничего не перепадет. – Георгий стал злиться. Непонятный разговор затягивался, ему хотелось домой, но мужчина и не думал уходить. Он курил и выпускал дым в потолок, где мощно работала вытяжка, равномерным тихим гудением способная усыпить любого. – Давайте закончим на этом. Если вы знаете что-то, что упустило следствие – прошу ко мне. Полагаю, адрес знаете?

– А вы пытались найти ребенка? – вдруг спросил Сергей. – Что? И про него неизвестно? Господи, я поражен. Я просто поражен, как вы упускаете мельчайшие детали.

– Может, мне сдать дело вашим хозяевам? – язвительно спросил Георгий. – За несколько минут вы мне убедительно доказали, что сами справитесь с поиском убийц. Или нет? Тогда подскажете мне фамилию несчастной? Не можете или не хотите?

– Сдавайте дело в архив. Занимайтесь другими делами, коих в вашей конторе воз и телега, – собеседник потушил сигарету, чуть ли не раздавив ее на дне пепельницы сильными пальцами.

– На кого вы работаете?

– Фамилия Китсер вам о чем-нибудь говорит? Если не можете вспомнить, поройтесь в своих базах данных. Вдруг найдете что-нибудь интересное. Возьмите визитку. Вспомните важное – позвоните. Нас особенно интересует ребенок. Всего доброго, господин Астапов.

Мужчина упруго поднялся со стула, положил на столик маленький прямоугольник с золотыми вензелями – Астапов готов был поклясться, что в руках у собеседника до сих пор ничего не было – и покинул кофейню. Медленно наливаясь безудержным гневом, Георгий продолжал сидеть на месте. Пустопорожняя, на первый взгляд, болтовня давала много пищи для размышления. На него вышли влиятельные люди, судя по наглости, из аристократического рода. Даже фамилию подсказали. Они знали о попытке барона Коломенцева расшифровать ауру, знали о ходе следствия и поняли, что оно зашло в тупик. Поэтому так и ведут себя вальяжно. Так что же такого необычного в убитой женщине? Если пойти с самого начала, сразу бросается в глаза поведение представителей Тайного двора. Их убедительные показания, что на месте гибели аристократки не было никаких вещей, идентифицирующих личность. А если были? Например, медальон или опознавательный знак рода? А он обязательно должен быть у каждого, кто состоит в клане! Значит, врали? И в их руках находятся вещественные доказательства, которые не были предъявлены следствию! Допустим, что так и есть… Жаль, что некоторые методы воздействия не применимы к людям, состоящим в военизированной структуре Тайных дворов. А хотелось бы как следует потрясти причастных к происшествию, да за воротник, с оттягом.

Астапов допил едва теплый кофе, поморщился и с тоской посмотрел на нетронутые булочки. Подумал, и засунул визитку в портмоне. Затем направился к прилавку, улыбнулся девушке и попросил положить сдобу в пакет, чтобы забрать с собой. Потом попрощался и вышел на промозглый ветер. Поежившись, зашагал к своему дому.

Если был медальон или кулон, мог быть и ребенок. Живой, здоровый. Ладно, с этим мы уже разобрались. Он есть. Даже этот Сергей так уверен. Законный представитель и наследник неизвестного рода, подвергшийся преследованию. Версия Астапова хорошо ложилась в свете последних событий на разговор с Сергеем. Женщина – жертва преследования. Получается, война кланов?

Домой он не пошел. Неожиданно для себя развернулся и вернулся на Офицерскую. Оперативный дежурный с погонами лейтенанта с немым удивлением взглянул на Астапова и по его просьбе отдал ключи от кабинета.

– Мне нужно поработать, – сказал Георгий. – Задержусь еще на часок.

– Понял, – кивнул дежурный. – Все равно старшие чины еще не расходились. Можете спокойно работать.

– Булочки хочешь? – Георгий положил пакет со сдобой на полированную поверхность стойки. – Бери-бери. Свежие, только остыли. Потом с чаем умнешь.

– Спасибо, господин следователь, – лейтенант по-мальчишечьи покраснел, но брать пакет не стал, пока начальство не показало спину.

Поднявшись этажом выше, Астапов лихорадочно открыл кабинет, ввалился в него, сдергивая плащ. Даже вешать не стал, бросил на спинку кресла. А сам подскочил к столу, включил небольшой блок «Кристалла», и пока на экране высвечивалась эмблема МВД России с предупреждающей надписью, что все внешние данные можно просматривать только через центральный дешифратор, нетерпеливо переминался с ноги на ногу возле окна.

– Китсер, Китсер, – пробормотал Астапов, забивая поисковую строку в базе данных. – Не слышал о таком. Кто ты, господин хороший?

Астапов, будучи не уверенным, что найдет хоть какую-то информацию по этой фамилии, удивился, когда на экране развернулась страница с данными.

Китсеры были выходцами из ангальт-кётенского графства, и один из предков был поверенным в делах при российском дворе во времена Меншикова. После десяти лет службы его приняли на русскую службу. Потомки честно служили русскому трону, многие из рода прославили себя в многочисленных войнах с турками, шведами и поляками, на государственном поприще и в делах торговли. Самое удивительное, что отметил Астапов, род Китсеров позиционировал себя потомками ариев и пытался всеми правдами и неправдами заполучить поддержку у высших иерархов, но каждый раз получал отказ. Мотивировка была одна: нет доказательств. При этом деликатно напоминали о княжеском роде Пфальцеров, полностью уничтоженном при загадочных обстоятельствах. У тех ведь тоже возобладала гордыня. И к чему это привело – знали все посвященные.

В конце девятнадцатого века Китсеры организовали экспедицию в горы Тянь-Шаня, на свои причем деньги. Наемный отряд в сорок с лишним человек, проводники из местных, пятый барон Александр Китсер собственной персоной – все указывало на серьезность предприятия. Только многие так и не поняли, за каким бесом отряд поперся в район Кашгара, где свирепствовали уйгуры. А знающие помалкивали и ждали, чем закончится смелая выходка барона. Закончилась она на южном берегу озера Чатыр-Кел. Вся экспедиция пропала без вести. Следов так и не нашли. Горные егеря пытались найти какие-нибудь следы, но лишь одна версия преобладала. Это был селевой сход после землетрясения.

Следующая экспедиция состоялась лишь в 1942 году, ее возглавил князь Шаранский, в составе находились несколько человек из спецотдела. Фамилии прилагались, и Астапов прилежно выписал их в блокнот. Двое рядовых: Селезнев и Григорчук, а также подполковник Назаров и капитан Зайковский. Причем все они имели должность консультантов.

Астапов почесал затылок ручкой. Он знал, что в сороковых годах в районе Кашгара активно действовали английские спецслужбы, не без успеха подталкивая таджиков и пуштунов на сопротивление российскому проникновению в горные районы. Недаром в эти годы была образована Мусульманская лига с подачи влиятельных местных авторитетов. Образовалась так называемая «зеленая дуга», охватившая огромную территорию, пусть еще не нашедшая свою концепцию развития, но уже активно продвигавшая идею Великого халифата от Аравийского до Каспийского моря. Поэтому нахождение спецов в экспедиции не было какой-то из ряда вон выходящей новостью. Да и для англичан тоже, к слову.

Только это все было не то. С кем Китсеры пересекались в те годы и позже, после чего возникла вражда или противоречия, переросшие в откровенную войну между родами? Как ни странно, пару раз мелькнула фамилия Назаровых. Именно нежелание вторых контактировать с выходцами с немецкой фамилией спровоцировало несколько конфликтных ситуаций молодых Китсеров и Назаровых с привлечением волхвов. Даже до применения Силы дошло. С обеих сторон много пострадавших. И ведь это было совсем недавно, по историческим меркам, в семьдесят пятом году в Москве. Назаров Анатолий Архипович к тому времени прочно занял место старейшины рода, хотя ему было еще чуть больше шестидесяти, что по возрастным меркам не так и много. Патриархами становились годам к семидесяти, если не позже. И дело вовсе не в каком-то ограничительном цензе. Просто предшественники крепко держались за жизнь, считая, что только на восьмом десятке человек приходит к гармонии силы, здоровья, ума, любви и ненависти. Всего помногу в равных долях – в этом и мудрость. Как бы там ни было, незримая связь двух родов становилась отчетливой. А с восьмидесятых годов на Назаровых словно мор напал. За несколько лет весь основной корень вымер. И это обстоятельство удивительным

образом совпало с активностью их оппонентов. Китсеры перекупали мануфактуры, фабрики, заводы Назаровых, рушили логистику товаров, даже пытались влезть в банковские дела рода.

Казалось, все обстоятельства лежали на поверхности, но истинной цели этого противостояния Астапов так и не нащупал. Почему именно Назаровы и Китсеры? В чем причина такого непримиримого антагонизма? Может, стоит попытаться поговорить с самим Назаровым? Мысль появилась неожиданно, словно молния, осветившая доселе темные уголки подсознания. Старик ведь жив, пусть и живет отшельником в своем родовом поместье. Если показать ему фотографию убитой и предоставить слепок ауры – сможет ли опознать? В таком случае придется брать с собой барона Коломенцева. Подумав еще пару минут, Георгий отказался от этой затеи. В случае признания в убитой своей родственницы и аура не понадобится. Следователь поежился. Какая реакция будет у Назарова? А съездить все равно не помешает. Какую-то информацию все равно выудит.

Где-то под Вологдой, поместье Назаровых, июль 1993 года

Седовласый управляющий огромного, на взгляд Георгия, поместья, придирчиво посмотрел на удостоверение, даже наклонился к нему, чтобы лучше разглядеть тиснутые на внутренней стороне корочки золотисто-коричневые буквы. Моргнул темными с мутной поволокой глазами и решительно кивнул.

– Проходите, господин следователь, в гостиную, – он отступил чуть в сторону, пропуская Астапова внутрь дома, – я сейчас же доложу Анатолию Архиповичу. Могу предложить чай с лимоном, с дороги оно самое то.

– Пожалуй, повременю, – сказал в ответ Георгий, присаживаясь на мягкую кушетку. С любопытством огляделся.

Гостиная не выглядела столь внушительно, здесь все было просто, даже доля аскетизма присутствовала. Большое панорамное окно, задернутое тонкими светлыми шторами, выходило на лужайку, и отсюда можно было часами любоваться стройными соснами, обрамляющими пруд. Справа от входа был камин, которым пользовались довольно часто. На это указывали закопченные над зевом кирпичи и массивная кочерга для шевеления углей. Она была небрежно брошена в пустое ведро и дожидалась своей работы. Вдоль противоположной стены стояли несколько кресел и массивный мягкий кожаный диван. Еще несколько кресел окружили маленький стеклянный столик, поставленный прямо посредине гостиной. На верхний этаж вела двухмаршевая лестница. Покрытые мастикой половицы матово блестели в тусклом утреннем свете пробивающегося сквозь занавесь солнца. За лестницей справа и слева виднелись коридоры, ведущие, вероятно, в гостевые комнаты. В общем, несмотря на безлюдность, кто-то умудрялся содержать огромное поместье с прилегающей территорией в нужном порядке.

И тишина. Настолько глухая, что Астапов потряс головой, силясь вычленить хоть какие-то звуки. Ему это удалось. Он услышал тиканье больших напольных часов, спрятавшихся в одном из углов гостиной. Удовлетворенно улыбнувшись самому себе, Георгий стал разглядывать портреты, составлявшие неплохую коллекцию изображений предков и близких родственников патриарха рода.

Его отвлекли чуть шаркающие шаги из правого коридора. Астапов обернулся и стал разглядывать высокого кряжистого старика, согнутого не столько годами, сколько невзгодами, обрушившимися на него за последние несколько лет. Седые редкие волосы, аккуратно зачесанные назад, обсыпанные серебром усы, усталый взгляд живых когда-то глаз. Назаров был в офицерском кителе темно-синего цвета, на левом плече – витой аксельбант. Штаны с широкой красной линией, на ногах – крепкие ботинки, которые при каждом шаге старика отчаянно скрипели.

Дождавшись, когда Назаров выйдет из полутьмы коридора, шагнул ему навстречу и представился:

– Старший следователь Внутреннего сыска города Албазин капитан Астапов. Честь имею, господин полковник.

– Прошу извинить за этот маскарад, капитан, – проворчал Назаров, жестом показывая Георгию, что можно присесть в одно из кресел возле стеклянного столика. – Жду гостей и грешным делом подумал, что они очень уж торопятся. Вижу, что ошибся.

Дождавшись, когда Астапов сядет в удобное мягкое кресло, старик тоже пристроился напротив, распахнув мундир. Георгий тут же заметил рукоятку пистолета, засунутого за поясной ремень.

– Говорите, какие ветра занесли амурского следователя в наши края?

Назаров спрашивал настороженно, в его взгляде проскальзывал хорошо скрываемая тревога, но опытный Георгий уловил нотки страха. Но вот чем они были вызваны, он гадать не хотел. Предположение оформилось сразу, вот только как приступить к расспросам?

– Ветра необычные, Анатолий Архипович, – прочистил горло Астапов. – Можно сказать, на вас я вышел совершенно случайно, если бы не встреча с представителем клана Китсеров, то не появился бы здесь.

– Вот как? – седые брови Назарова в неприкрытом удивлении взлетели вверх. – А по каким интересам вы пересеклись?

– Боюсь, здесь был не интерес, а трагический случай, – тяжело вздохнув, Астапов положил папку на столик, щелкнул замком и нащупал пальцами фото убитой женщины. И не торопился его показывать. Словно ждал чего-то. – Дело в том, что в тайге обнаружили тело молодой женщины. Мне было поручено провести следствие по этому факту. Признаюсь, дело бесперспективное, все следы отсечены умышленно или их вообще не было. Потому что никто не опознал эту несчастную.

Назаров привстал, мгновенно побледнев как снег. Жесткие пальцы старика вцепились в край столика, и казалось: еще мгновение – он перевернет его.

– Показывай фотографию, – хрипло прорычал полковник. – Ты же держишь ее в папке!

Снимок лег на стекло. Назаров одно мгновение смотрел на него, а потом с тяжелым стоном рухнул в кресло. Рука потянула фотографию на себя.

– Валюшка! Внученька! – он не плакал – рычал, как загнанный и раненый зверь. – Что они с тобой сделали, твари! Порву! Уничтожу!

На шум в гостиную влетел, как на крыльях, управляющий. Несмотря на свои преклонные годы, он быстро сообразил, что нужно делать. Откуда-то в руках у него появился массивный графин с водой и стакан.

– Выпей, хозяин, выпей, успокойся! – он сунул стакан в руки Назарова.

– Что ты мне даешь? Водки неси, ирод!

– Потом! Сейчас надо успокоиться!

Управляющий скосил глаза и увидел фотографию, которую сжимал в своих пальцах патриарх. Охнул так громко, вдобавок упустив графин из рук. Грохот посуды неожиданным образом успокоил отставного полковника.

– Пошел вон, Сашка! – твердо сказал он. – Закрой въездные ворота, никого не впускай, пока я не скажу! Свяжись с Полозовым, пусть подтянет своих ребят, кого сможет, и… Варлама тоже найди.

– А волхва зачем? – нахмурился Сашка, топчась на месте.

– Сделай милость! Скоро здесь будут переговорщики, иуды проклятые! Я хочу, чтобы никто из них не ушел отсюда!

– Это война, хозяин!

– … на нее! Делай, как я сказал!

Сашку сдуло, как ветром. И не скажешь, что старик. Шустро полетел. Назаров кивнул своим мыслям и пристально посмотрел на Астапова.

– Когда обнаружили внучку?

– Двадцать пятого, прошлого месяца. Ее нашли случайно в лесу проезжающие мимо амурские потайники.

– Амурский филиал? – хмыкнул старик. – Кто там Стражем? Егорыч?

– Если вы имеете в виду Ивана Егоровича – да.

– Значит, двадцать пятого, – задумчиво произнес патриарх рода. – Ну, гниды, решили втемную сыграть! А ребенка? Ребенка не было при ней?

– Нет. Но я полагаю, что мне предоставили заведомо ложную информацию. У меня есть подозрение…

– Если Егорыч решил утаить от тебя ребенка, то я хорошо представляю, зачем он это сделал, – скривился Назаров. – Что ж, это даже самый наилучший вариант. Пытались искать?

– Конечно. Дело в том, что Двор базируется в станице Раздольная, а это такая глушь, что нет своего родильного дома в округе. Все едут в Албазин или в Благовещенск, ну, кому как приспичило. Рано или поздно кто-нибудь засветится. Ведь там медики-волхвы сразу отличат, двойню или тройню носила женщина и родной ли ребенок. Я предполагаю такой вариант.

– Нашли? – старик уже успокоился, только глаза остались ледяными.

– Где там! Пусто. Может, затаились до поры до времени, – махнул рукой Астапов.

– Слушай, капитан, – Назаров наклонился и цепко схватился за ворот его пиджака. – Не делай глупостей и не ищи мальчишку. Пока я не улажу все свои старые дела – забудь о нем. До поры до времени. Чтобы через тебя на него не вышли. А потом, я прошу, найди его и расскажи все, что знаешь.

– А что я знаю? – нервно поежился Астапов, не решаясь отодрать руку старика от себя. – Я только сейчас от вас узнал пол ребенка.

– Плохо работаете, капитан, – зло ухмыльнулся патриарх. – У меня есть богатые архивы. Передам тебе. Изучишь. Найдешь Никиту – отдашь ему. У меня нет времени искать надежных людей, которые могли бы охранять пацана. Ты ближе всех оказался. Твою порядочность я чую всей своей Силой. Не пучь глаза, капитан! Все будет хорошо! Сделай так, как я прошу! И награда будет достойной! С тобой расплатятся щедро!

Астапову что-то не хотелось таких щедрот, но слушал Назарова внимательно.

– Как я найду его? По слепку ауры? Но ведь для этого нужно хотя бы приблизительно знать, кого проверять! – воскликнул Астапов.

– У него будет амулет, – старик откинулся, наконец, на спинку кресла. – Такой камень, рубин, вставленный в кулон в виде солнечной свастики.

– Символ ариев…

– Именно! Символ… Я думаю, что Егорыч сделает из Никитки настоящего бойца, и он покарает всех, кто подрубил наш корень. Капитан, я очень тебя прошу, следи за мальцом, пока сил не наберется! Исподволь, тихо, незаметно. Словно тебя и не существует. Знаю, у него будут прекрасные учителя, но всю картину будешь знать только ты. Я пришлю тебе архив с надежным человеком!

Приковылял Сашка, держа в руках рацию.

– Псы Катаева выехали из города. Через полчаса будут здесь. Полозов с ребятами на подходе. Варлам недоволен, но тоже приедет.

– Уезжай, капитан, – Назаров машинально схватился за рукоятку пистолета. – Дальше я буду разговаривать не так вежливо. Учитывая твою принадлежность к сыску – не хочу, чтобы ты вляпался в нехорошую историю. На чем ты приехал?

– Такси-кабриолет. Водитель ждет, – Астапов решительно встал. Действительно, после опознания все части разрозненной картины встали на место. Осталось только узнать глубинные мотивы затяжной войны между родами. Но это потом. Сейчас здесь развернется последний

акт, свидетелем которого он не собирается быть. И считать Назарова виноватым как-то совесть не позволяла.

– Езжай объездной дорогой, – посоветовал Назаров. – Не надо, чтобы тебя видели. Через километр от особняка есть поворот на лесные озера. Попроси водителя, чтобы туда свернул. Лишние пять километров – и ты въедешь в Вологду с другой стороны.

* * *

– Вы уверены, господин полковник, что хотите войны? – Полозов, широко расставив ноги, прочно укрепился на нижней ступеньке лестничного пролета. На молодом мужчине крепкого телосложения ладно сидел камуфляжный костюм. Шею оттягивал длинноствольный «Федоров»[2], нагрудный обвес был упакован по полной программе. Слева из кармашка торчала рукоять полуавтоматического пистолета «Стриж», игриво выглядывали запалы ручных гранат, справа в ножнах свисал златоустовский «Бой», который только своим видом мог парализовать впечатлительного человека.

Левая рука Полозова была опущена вдоль бедра и крепко держала коробку рации. Внезапно та зашипела.

– Первый – Яру! – донесся голос. – Заняли позицию.

– Второй – Яру! Наблюдаем движение в сторону «точки». Три легковых машины. Предполагаем наличие двенадцати-тринадцати целей.

– Яр – Второму! – Полозов с позывным «Яр» поднес к губам рацию. – Пропускайте колонну и двигайтесь к «точке» на свои позиции.

– Понял. Отбой.

– Я всегда был уверен в своих действиях, – Назаров, переодевшись в светло-зеленый комбинезон, сразу перестал походить на респектабельного господина и превратился в обычного старика – любителя побродить по лесу с ружьем в поисках шустрых зайцев или озерных уток. Впрочем, в руках у него не было оружия. Свой «Штайер» он оставил в гостиной, где будет проходить встреча. Переоделся он с одной целью: намеками дать понять, что не принимает никаких условий, хитрость врага раскрыта. Если не поймут – их проблема. Назаров внутрене переступил опасную черту, и его желание похоронить в глухом лесу всю банду, стремящуюся сюда, было непреодолимым. Если за своих детей он почти не ответил, то за смерть последней внучки будет война. Хватит пятиться.

Полозов – представитель местного Двора, один из лучших боевиков – по взгляду старика понял, что драки не избежать. Впрочем, самому «Яру» было без разницы, с кем воевать. Симпатии его оставались на стороне этого несчастного старика, оставшегося без поддержки. Только давние связи со Стражем – позывной «Селезень» – позволили Назарову сохранить лицо и гордость, чтобы не бить поклоны перед потайниками.

– Это правда, с Валентиной? – глухо спросил Полозов, поправляя автомат.

– Правда, Олежка, правда. Разве я не отличу фотографию мертвого человека от живого? И ведь эти паскуды знали, что внучка убита, но решили на этом сыграть. Сам Бог послал мне следователя этим утром. Опоздай он на пару часов…

Старик прервал свою речь, всматриваясь в уходящую от ворот асфальтовую ленту узкой дороги, потом требовательно спросил:

---

[2] *Автомат Федорова* – одна из многих модификаций основного автоматического оружия России. У Полозова модель АФ-85У, калибра 7,62 с магазином на сорок пять патронов. Этот автомат может вести стрельбу отсечками по три патрона, имеет подствольный гранатомет, электронную систему прицеливания. Дорогая игрушка, которую можно использовать в не самых экстремальных условиях.

– Ты все понял, Олежка? Если меня кончат сегодня, постарайся все архивные документы передать по назначению. Но не сразу, выжди время, чтобы ситуация устаканилась. Я этого следователя предупредил, он будет ждать посылку.

– Понял я все, Архипыч. Разыграем ноты.

Назаров похлопал верного помощника по плечу и медленно направился в особняк, чтобы там отыграть последний акт своего жизненного спектакля, как он считал сам. Смысла в дальнейшем своем существовании он не видел. Даже возможное спасение правнука не решало ничего должным образом. Конечно, своего последнего потомка он не оставит без гроша в кармане. Активы зарубежных предприятий, акции банков, пара золотоносных шахт в Калифорнии – это лишь малая толика того, что спасено от хищников Китсеров, Краусе и других малозначимых родов, живущих только из-за того, что так захотела высшая знать. В свои права Никита вступит в день восемнадцатилетия, предъявив для опознания свою ауру. В базе данных нотариусов по всему миру находится нужный слепок, предоставленный самим патриархом. Любой прямой потомок сможет легко доказать свою причастность к роду Назаровых, потому что несет всю необходимую генетическую информацию. Единственной проблемой может стать вариант смешения чистой крови с человеком, имеющим совершенно иной набор генов. Назаров надеялся, что недальновидный поступок Валюшки, приведший к рождению Никиты, все-таки даст возможность правнуку стать хозяином с многомиллионными чековыми книжками и банковскими картами. Интересно было узнать, кто же его отец? Но в данном случае на этот вопрос патриарх пока решил не искать ответа. А с мальчишки и начнется новая история рода. Назаров надеялся не на родственников, а на тех, кто реально мог помочь правнуку. Такие люди были. Тот же Селезень, нынешний Страж северо-восточного Двора, рядовой Селезнев, ходивший с ним в экспедицию по Тянь-Шаню, встречавший в ножи уйгуров и других любителей чужого добра; разочаровавшийся в системе и ушедший в другую плоскость противостояния с обществом; считавший, что аристократия подобна тормозу, тянет страну в дикое средневековье. Почему он так считал, Назаров до сих пор не понял, справедливо указывая ему на успехи страны, несмотря на наличие аристократического управления. Споры спорами, но Селезень придет на помощь, стоит позвать его. Вон, прислал же восемь крепких парней, не рассуждающих и не задавших ни одного вопроса. Только по делу.

А вот волхв был недоволен, вопросов задавал много, скорее для своего успокоения, чем немало позабавил Назарова. Варлам сидел на одном из гостевых диванов, привалившись к мягкому высокому подлокотнику. Сорокалетний укротитель стихий, внешностью больше похожий на мальчишку, с коротким ежиком волос на голове, остроносый, с внимательными глубокими глазами, пошевелился и спросил нейтральным голосом:

– Едут?

– Проследовали дальний пост, – сказал Назаров и прошел к своему любимому креслу. – Через десять минут здесь будут.

– Ты меня позвал для смертоубийства, или есть надежда, что все закончится каким-то договором?

– Договора не будет, Варлам, – покачал головой старый аристократ, тяжело опускаясь в кресло. – Больше ничего не будет. Меня загнали в глухой угол, откуда только один путь – вперед.

– Тогда зачем я тебе? – улыбнулся Варлам сочувственно.

– Ты меня поддержишь, а если надо – защитишь. Не хочу, чтобы лезли в мою голову в поисках информации, чтобы просчитали дальнейшие ходы моих помощников и друзей.

– Такое возможно лишь теоретически, – волхв переменил позу и теперь сидел прямо. – Не знаю, почему ты думаешь, что Китсеру такое под силу. Он тебе в подметки не годится, хотя является сильным магом.

– Невозможно – такого слова нет, – отрезал Назаров. – Когда я отправлял Валюшку на восток, тоже думал, что уж там-то ее не найдут. Оказалось, что ошибся. Я недооценил врагов. Теперь представляешь, какие силы они задействуют, чтобы окончательно свалить меня в могилу? И не просто свалить, а вычистить до донышка.

Зашел Полозов.

– Они подъезжают. Теперь, Анатолий Архипович, постарайтесь задержать переговорщиков как можно дольше. Если дело пойдет по худшему варианту – просто включите прибор, который я вам дал. И мы начнем зачистку.

– Хорошо, Олежка, я все понял, – Назаров вытащил из внутреннего кармана маленькую черную квадратную коробочку с утопленной в торце обрезиненной кнопкой, посмотрел на нее, как будто ни разу не видел, и положил обратно. – Удачи нам всем.

Управляющий Сашка с бледным лицом распахнул двери, впуская в дом самого барона Катаева и четверых его подручных в пиджаках, из-под которых намеренно выпячивались кобуры с расстегнутыми клапанами. За оружие никто не хватался, но реакции телохранителей можно было верить. Сам Катаев держал в левой руке небольшой плоский чемоданчик, обшитый дорогой кожей. Несмотря на очень теплый день, барон был в легком бежевом плаще. На лице переговорщика сияла улыбка. Он шагал широко, свободно, словно настоящий хозяин поместья. Внезапно остановился и повернулся в сторону входа. В проеме двери появилась кряжистая фигура еще одного человека. Мужчине было около шестидесяти лет, на лице его, неподвижном и задумчивом, явственно проглядывали борозды морщин, стягивающих гладко выбритый подбородок. Платиновые волосы тщательно уложены в прическу. Высокий тевтонский нос указывал на родовую принадлежность этого человека.

– Сам наследник империи Китсеров прибыл, надо же! – Назаров, наконец, пошевелился в кресле. – Боишься, что твои лизоблюды напортачат, Отто?

– Доверяй, но проверяй, – Отто Китсер тоже не стремился к лихорадочным действиям. Он даже не глянул на телохранителей, занявших свои позиции и взявших под контроль всех присутствующих. Дойдя до столика, небрежно кивнул Катаеву, услужливо подтянувшему кресло, куда и сел. Закинув ногу на ногу, он сначала посмотрел на свои остроносые блестящие туфли и только потом поднял голову.

– Итак, мы здесь, Анатолий Архипович, – сказал Отто чистым, звучным голосом, в котором едва-едва слышались отголоски немецкого акцента. – Твое решение я принял и его уважаю. Давай закончим эту бесконечную войну…

– Закончим войну, – медленно, со вкусом повторил Назаров, глядя на собеседника остановившимися зрачками. – Это ты хорошо сказал, Отто. Давно пора. Как будем рассчитываться? За Леонида, за Бориса, за Виктора? За каждого – определенный пакет акций в крупных корпорациях? Или у тебя есть иное предложение?

– Я сожалею о гибели твоих сыновей, – наклонил платиновую голову Отто, но сразу же вздернул свой подбородок. – Я думаю, что достаточно смертей. Ведь умирали не только твои родственники. Вспомни восемьдесят восьмой год, когда я потерял младшего брата и его семью. Нелепая авария на пустой трассе… Странно же, да? Или тебе напомнить гибель Артура Генриховича, моего дяди по матери? Какая-то череда смертей после него пошла и с вашей стороны, и с нашей. Как по заказу… Но ты сам предпочел сопротивляться, не понимая сложившуюся на то время ситуацию. Уступи требованиям нашего клана – все могло бы закончиться по-другому. Ты же сам знаешь, что мой отец имел большую силу в те годы и мог склонить на свою сторону мелкие роды своих подчиненных.

– Уступить немного? – Назаров хищно усмехнулся. – Сорок процентов наших предприятий должны были уйти под ваше крыло и вашим прихлебателям вроде Краусе или Катаевым? Вон, один из них до сих пор верой и правдой служит вашему делу.

Барон Катаев поиграл желваками, но не стал ничего говорить, только крепче сжал ручку чемоданчика. Да блеск глаз выдавал его чувства. Мужчина горел желанием втоптать, унизить старика до такой степени, чтобы тот валялся на коленях и умолял не пускать его по миру. Но именно это господин Китсер и собирался проделать. Так что совсем немного времени осталось для лицезрения падения ненавистного ему патриарха.

– Мы ценим своих верных помощников, – Отто сделал неуловимое движение рукой, и Катаев с непроницаемым лицом положил на крышку столика чемоданчик. Щелкнули замки, и крышка распахнулась, открывая лежащую там плотную пачку документов. Отто небрежно вытащил их и положил перед Назаровым. Катаев тут же убрал чемоданчик. Китсер двумя пальцами развернул документы в сторону патриарха и слегка подтолкнул пачку, словно старик сам не мог дотянуться до нее. Назаров сидел не шелохнувшись, пристально глядя на гостя. Он не проявлял никакого любопытства, чтобы перелистать труд юристов, корпевших над этим судьбоносным документом несколько дней и ночей. Недоумение Отто проявилось в дерганье бровей.

– Что-то не так, господин Назаров?

– Я уже знаю, что вы хотите от меня, – нехорошо улыбнулся старик. – Торгово-промышленная группа «Гамма» с сумасшедшими годовыми доходами – это только самый лакомый кусочек. Корпорация «Изумруд» под управлением моего родственника Александрова Петра Ивановича – следующая в списке. Полагаю, с Петей вы уже переговорили на эту тему? Зря, скажу вам. Контрольный пакет акций останется у меня, у моей семьи. Третий кит нашего родового благополучия – связи, списки семей, у кого в роду есть обладатели высшей Силы. Но ваша беда в том, – Назаров слегка наклонился, словно хотел посмотреть в помертвевшие глаза Отто Китсера, – что именно это условие и является основным. И поэтому я отказываюсь от сделки. Вообще.

Наступило гнетущее молчание. Китсер потемнел лицом и не спешил с ответом. Барон Катаев выражал свои эмоции более яростно. Губы его исказились в беззвучном ругательстве. Телохранители напряглись, не спуская взгляда с волхва и Сашки-старика.

– Не понимаю я тебя, Анатолий Архипович, – пожал плечами Отто. – С чего бы такое упрямство? Мы и не собирались обсуждать передачу твоих предприятий в нашу пользу. Финансовая составляющая – не главное наше требование. Только лишь имена людей, обладающих высшей Силой.

– Арии – не предмет торга, – отрезал Назаров, – и никакого доступа к тайнам древних вы не получите. В своем хозяйстве разбирайтесь. Учитесь сами иерархов готовить.

– Почему такая смена позиции? – удивился Отто. Он даже не сердился, озадаченный внезапной переменой настроения патриарха. – Ты же сам дал согласие?

– Вы меня обманули! – с силой хлопнул ладонями по ручкам кресла Назаров. – Имели наглость прийти ко мне, предлагая условия, на которые я был вынужден согласиться! А теперь сделка аннулируется! Или вы сейчас покидаете мое поместье, или все здесь сдохнете!

Китсер через плечо посмотрел на барона. Катаев встретился с ним взглядом и недоуменно пожал плечами.

– Ты точно передал наши пожелания господину Назарову? – все же спросил Отто.

– Так точно, – слишком уж по-военному ответил барон. – Ничего лишнего.

– Вы же знали, иуды, что внучка уже была мертва! – затрясся Назаров. – Решили воспользоваться моментом, шантажировали меня, зная, как я любил Валюшку! И после этого приходите ко мне с этим дерьмом!

Он даже не пошевелил рукой, но внезапный порыв ледяного ветра смахнул бумаги на пол. На Катаева посыпалась снежные крошки, словно штормовая туча возникла под крышей родового дома. Воздух ощутимо наэлектризовался и тихо загудел. Все поежились, а Отто слегка побледнел и медленно встал, понимая, что проиграл переговоры.

– Откуда у тебя эти сведения? – тихо спросил он.

– Сорока на хвосте принесла! – рявкнул Назаров. – Уйди отсюда, морда немецкая! Я начинаю на вас охоту, ублюдки! За все смерти мне ответите сполна! Перемирия захотел, сволочь!

Дальше произошло совсем уж неожиданное. Сашка-управляющий резко отдернул полу своего кафтана и выдернул помповик с укороченным стволом и пистолетной рукояткой. Телохранители Китсера дернулись было, направив стволы в сторону старика, но Сашка глухим голосом предупредил:

– Застыли, гниды! Мне терять нечего! Хоть одного да заберу с собой!

Начинать стрельбу со стариком, когда хозяину ничего не грозило, телохранители не собирались. Но даже по успокаивающему жесту Китсера не опустили оружия. Назаров внимательно следил за своими гостями, словно что-то обдумывал. Правая рука, нырнувшая в карман, нервно подрагивала. Китсер все прекрасно видел и покачал головой.

– Не надо, Анатолий Архипович, не стоит оно того.

– Не стоит, говоришь? – чуточку успокоился старик-патриарх. Рука его выскользнула наружу. Он положил ее на краешек стола и посмотрел на взбухшие вены. – Может, ты и прав. Давай закончим наши отношения раз и навсегда. Мое слово последнее: я не иду на уступки. Ни на какие. Уяснил четко?

– Уяснил, – покладисто ответил гость и встал. – Тебе все равно не удержать свою империю. Ты уже одной ногой в могиле, поэтому хочешь развязать бойню и потянуть за собой многих невинных людей. Только цель не оправдывает средства. Если передумаешь – обращайся. Мы подождем. Не забывай, что у тебя еще остались родственники, пусть и второй линии. Не захочешь же ты оставлять их без штанов? Или надеешься на правнука? Да только ему дожить надо хотя бы до совершеннолетия…

Резко развернувшись, Китсер стремительным шагом направился к выходу. Телохранители настороженно глядели на Сашку, отступая спиной.

– Собери документы, – кинул на ходу Китсер застывшему барону.

Катаев чуточку суматошно, не разбираясь, закидал разбросанные бумаги в папку и под тяжелое молчание выскользнул наружу. Только после этого волхв пошевелился и облегченно выдохнул:

– Ты все сделал правильно, Анатолий Архипович. Я грешным делом уже собирался вмешаться. Китсер – носитель Силы, пусть и слабенькой по сравнению с твоей, но разметать нас на молекулы с помощью стихии воздуха он уже собирался всерьез. Пришлось провести нейтрализацию.

– Поэтому он так и попятился? – фыркнул патриарх.

– Разумный человек, – пожал плечами Варлам. – Все бы так вели дела, глядишь, без лишних жертв бы обходилось.

– Сашка, убери свою снасть, – недовольно зыркнул на управляющего Назаров. – Еще раз выкинешь подобное – сам застрелю тебя из этого убожества.

– А что? Двенадцатый калибр – убожество? Мне нравится, – Сашка тоже выглядел недовольным. – Эх, Архипыч, я уже умирать приготовился, а теперь не знаешь, что эта гнида придумает!

– Еще успеешь, – усмехнулся Назаров. – Лично я передумал умирать. Надо нам еще лет десять протянуть. Правнука найти, отписать ему наши богатства. Пусть он месть свершает.

Глава шестая

2006 год, июль
Станица Раздольная

– Гришка! Паршивец этакий! Куда запропастился? – зычный голос пожилого мужчины, стоявшего на крутом берегу Быстрянки, разносился далеко окрест. Казалось, его можно услышать даже на противоположном берегу, заросшем густым ивняком и мрачновато-темным еловым подлеском.

Мужчина усмехнулся в седые, спускающиеся чуть ли не до подбородка усы, поправил шерстяную повязку на лбу, съехавшую от тренировок до бровей, и медленно прошелся по откосу, внимательно вглядываясь в многочисленные норы, нарытые станичными мальчишками под берегом. Во многих из них вполне мог спрятаться взвод бойцов. Некоторые извилистыми ходами тянулись чуть ли не на пару километров от реки в сторону черемуховых зарослей, где глубокие овраги хранили благословенную прохладу в жаркие летние дни.

Сделав еще несколько шагов, он удовлетворенно кивнул самому себе и неожиданно спрыгнул вниз на горячий песок, увязнув в нем голыми ступнями, совершил кувырок и легко вскочил на ноги возле увязнувшего в прибрежной тине бревна. Прямо перед ним темнел зев очередной норы, в которой, затаившись, сидел худенький мальчишка. Восторженно глядя на акробатический номер пожилого наставника, он забыл, для чего забился в эту нору.

– Выползай уже, оголец, – мужчина выставил вперед руку и несколько раз загнул ладонь, подзывая к себе. – Плохо прячешься. Не забывай, что земля не гасит ауру. Почему не распределяешь ее равномерно?

– Забыл, – признался мальчишка, на коленях выползая наружу. Прищурившись от яркого солнца, он с тоской посмотрел на веселые блики текущей воды. Сейчас бы искупаться, а потом засесть с удочкой возле глубокого улова и наловить окуньков.

– А почему забыл? – въедливо спросил наставник, приближаясь к светловолосому мальчишке, одетому в просторные потертые камуфляжные штаны и с голым торсом. – Злишься, что не получается. Потому что я хочу тебе дать тот минимум, который позволит сохранить жизнь.

– Дядька Кирилл, зачем мне такие знания? От кого защищаться? – воскликнул удивленно Гришка.

– От всякого, – прогудел боевой волхв и внезапно цапнул мальчишку за шею. Притянул к себе сильными натруженными пальцами, перехватил за талию и перебросил через плечо. Так и понес его вдоль берега, пока не нашел удобный откос, по которому забрался наверх. – У меня приказ от самого Стража – уделить тебе наибольшее внимание. Хотя не понимаю, почему. Среди кадетов есть куда более способные ребята. А ты лень с уникальными задатками. Некому тебя пороть.

Волхв, пока шел с ношей, нисколько не запыхался. Наконец, натоптанная дорожка среди луговины привела к шалашу. Тот был сооружен в березняке и сейчас утопал в благостной тени. Неподалеку от шалаша стоял турник. Кирилл соорудил его из обычной металлической трубы, прикрепленной к деревьям. Тут же несколько деревянных чурбаков ростом чуть больше метра. Некоторые из них беспорядочно валялись в траве, другие стояли на разном расстоянии друг от друга.

Дойдя до шалаша, мужчина сбросил без всяких церемоний Гришку на землю и назидательно сказал:

– Чем больше от меня бегаешь – тем больше я буду с тебя требовать.

– А кто лучше меня? – задал мучающий его вопрос Гришка. – Это Васька Смородин, что ли? Или Макарка Пузан? Или кто из старших ребят?

– А хотя бы и так, – усмехнулся волхв, присев возле погасшего костра. Нужно было разводить огонь и готовить обед. – Я считаю, с тобой действительно много возятся. Ты неблагодарный, Гриня. Три года как об стенку горох. С таким потенциалом ты бы уже давно стал помощником Никифора. Знаешь же, что нам требуется пара хороших боевых волхвов. А что он один сделает?

– Дядька Кирилл, откуда у меня Сила? – неожиданно спросил Гришка, покладисто собирая сухостой на растопку, хотя под небольшим навесом лежали аккуратно наколотые березовые чурбачки. – Все же знают, что Сила дается аристократам. А я не аристократ. Вот ты – по материнской линии подходишь. А Никифор – побочный сын какого-то князя. А я? Родился здесь, в роду никто с аристократами не баловался…

Звонкий подзатыльник заставил мальчишку выронить охапку сушняка. Волхв сморщил и без того сухое, морщинистое, как старое яблоко, лицо и погрозил пальцем, которым легко мог убить. Один тычок – и хана.

– Ерунду не городи! Как у тебя язык повернулся такое сказать! Тебе зачем такое знать? Есть у тебя Сила?

– Есть, – уныло ответил Гришка, собирая рассыпанные ветки.

– Умеешь с ней работать?

– Ну да.

– Так захлопни свой рот и учись, пока есть возможность! – волхв, качая головой, налил из пластиковой канистры воду в котелок. – Только не забывай, что тебе было сказано в самом начале. Освоишь Силу – не лезь с ней в каждую дыру! Она будет с тобой, но как бы и не будет.

– Фигня какая, – пожал плечами мальчишка, склоняясь над шалашиком из веток. На мгновение задумавшись, он отпрянул назад, и с его безымянного пальца сорвался оранжевый огонек, попавший точно в основание сооружения. Ветки не разметало от удара, потому что огонек аккуратно схватил свою пищу и стал разгораться. Волхв одобрительно хмыкнул.

– Уже хорошо получается, – сказал он, вешая на таган котелок. – Год назад от такого удара я дрова по всему полю собирал и траву тушил.

Гришка засмеялся, вспомнив свой прошлогодний косяк, и довольный своей работой, уселся на пятую точку, ожидая, когда огонь окончательно наберет силу. Тогда и пойдут в ход чурбачки. Мальчишка задумался. Что бы ни говорил дядька Кирилл, в душе все равно оставалось сомнение. Не бывало такого, чтобы в простой казачьей семье родился ребенок с аномальными способностями. Взять бабку Фросю. Она – лекарка. И дочь ее – тетка Галина – тоже лечит людей. Маринка, внучка, ровесница Гришки, тоже начинает потихоньку осваивать потомственную профессию. Потому что есть у них всех Сила, только не такая, как у Гришки. Одна четвертая часть от могущества, что досталось ему. Вот Гришка, как сказал Иван Егорович – Страж Двора – получил небывалый подарок от природы. Потому-то приставили к нему отставного волхва Кирилла, чтобы тот обучил правильному освоению Силы. Правда, с виноватой улыбкой предупредил, что это совсем не тот комплекс обучения, что дается потомственному аристократу. Вот с тех пор и мается в сомнениях Гришка. Не может такого быть. Прочитанные тайком некоторые книжки только усилили его колебания. Ведь там четко было написано: Сила передается по крови. В ком есть хоть капля аристократической крови, становится потенциальным носителем Силы. Неважно, прямой это отпрыск или выкрест, то бишь бастард. Единственное, что не каждый носитель получает от своей привилегии – подарок в виде полноценной мощи, владения четырьмя стихиями. А он, Гришка, выходит, носитель всех стихий. Великий стяжатель, как, усмехаясь, говорил Страж, когда понял, какое добро атаман Данилов подобрал в лесу.

Мальчишка поджал губы, пока следил за котелком, в котором закипала вода. Неудобные вопросы, которые он задавал взрослым, требовали ответа. Но никто из важных бойцов Двора, начиная от Ивана Егоровича и заканчивая Тагиром и Арсением, не давали его. Нет-нет, да и

прятали взгляд, или отшучивались, или просто давали подзатыльник, как дядька Кирилл. Этот-то вообще любитель руку прилаживать. Чуть не так сотворишь плетение – сразу прилетает. Незаметно для себя Гришка шмыгнул носом, воровато оглянулся, проверяя, где сейчас волхв. Дядька Кирилл гремел чем-то железным в шалаше. Вскинув правую руку, Гришка создал в воздухе вязь руны «вскипающая вода» и ойкнул. В котелке что-то хрустнуло, и пузырящаяся вода мгновенно превратилась в лед. Облачко пара пыхнуло над костром и растворилось в воздухе.

Голова Гришки дернулась от удара. Снова проворонил! Мальчишка с досады даже не шелохнулся, только почесал затылок.

– Сколько раз тебе говорить, чтобы в оконцовке руны не делал долгую линию, щенок! – рявкнул мужчина. – Рисуешь до конца, уводишь вниз и коротким росчерком – вправо! Вот же непуть!

– А здорово получилось! – смешок вырвался непроизвольно. Но плечи сжались.

Волхв не стал снова лупить по непутевой мальчишеской голове. Только вздохнул, потрепал его макушку и подкинул дров, чтобы растопить лед. Обед откладывался. Задумчиво посмотрел на белесые, обесцвеченные жарким солнцем волосы, и непонятно откуда взявшаяся теплая волна накатила на мужчину. Из мальчишки будет толк, нужно лишь правильно скорректировать его Силу, уже проявляющуюся вот в таких непроизвольных и нечаянных пассах и конструкциях. Он начал обучать Гришку с семи лет, твердо настояв в разговоре со Стражем, что за пять-семь лет тот найдет способ легализовать пацана в обществе и разыщет истинного мастера по корректировке способностей. Кирилл уже через несколько месяцев понял, что в аристократической крови Гришки сконцентрирована уникальная комбинация, позволяющая применять все виды заклинаний и конструкций. А это говорило о многом. Пацан был не простым кровным аристократом, а скрытой угрозой для многих родов. Значит, не зря охотились за его матерью. Знали о том, кого она вынашивала в своем нутре. Получить идеального родового волхва, умеющего не только воевать, но и лечить – мечта каждого патриарха. Но уничтожить потенциальную угрозу могли не моргнув и глазом.

Так что сейчас для всех лучше будет, что Гришка Прохоров – обычный кадет Тайного двора, и чем дольше никто не узнает, что он – подложно «рожденный» Елизаветой Прохоровой, жительницей станицы Раздольная, тем спокойнее для всех, кто причастен к тайне. Пусть живет до совершеннолетия спокойно, зная, что у него есть двойняшка-сестра и младший брат. Но ведь неудобные вопросы он уже задает сейчас. Вот еще головная боль.

– Кипит, – буркнул Гришка. – Крупу какую сыпать?

– Давай гречку, – решил волхв. – Потом тушенку закинь. Лучку не забудь. Чего скривился, как будто лимон сжевал? Пообедаем да отдохнем малость.

– А потом?

– Не сачкуй, кадет Прохоров, – строго сказал Кирилл. – Потом будет отработка защитных навыков. Знаешь, магию тоже надо холить и лелеять. Иначе у тебя только и будет получаться лед в котелке.

– Лови! – волхв сформировал легкий «огненный клинок» и сбросил его с пальцев. В воздухе ощутимо запахло гарью, узкое, потрескивающее от жара лезвие полетело в сторону чуть-чуть согнувшегося в боевой стойке Гришки.

Мальчишка побледнел и судорожно провел перед лицом ладонь правой руки и сразу же отгородился едва трепещущейся завесой, мерцающей бледно-фиолетовыми сполохами. Сам же для верности отошел на шаг и закрыл глаза.

Волхв рыкнул, но продолжал стоять на месте. Лезвие раскалилось добела, пока летело по прямой линии в сторону Гришки, но ударившись в щит, рассыпалось брызгами горящей магнезии. Часть попала на траву, которая от нестерпимого жара задымилась.

– Щит убрать! – приказал Кирилл. – Гаси огонь!

Гришка сразу же свернул активную защиту, резко вытянул руки в сторону зарослей смородины, за которыми протекал ручей. Оттуда, свиваясь жгутом, выскочил водяной столб чуть выше полутора метров и обрушился на тлеющую траву.

– Закончили! – хлопнул в ладони Кирилл и кивнул с довольной улыбкой. – Молодец. Реагируешь быстро, концентрируешься максимально, но боишься «огненного клинка». Понять не могу, почему отходишь от щита?

– Жарко. Лицо горит, – пожал плечами Гришка. – Все время кажется, что клинок пробьет защиту. Это чтобы можно было отскочить в сторону.

– Прекращай свои рефлексии показывать, – волхв прошел к шалашу, скинул мокрую от пота рубашку и бросил на покатую крышу. – Садись. Разберем твои ошибки. Они заключаются в твоей нервозности и в какой-то непонятной подстраховке. Зачем делать лишнее движение?

– Дядя Кирилл, мы же боевую магию применяем, – сказал Гришка, присаживаясь напротив волхва на траву. – Если Страж узнает – он с тебя шкуру спустит. Я сам слышал, когда он орал на тебя.

– Учебная магия нужна тем, кто имеет часть способностей, – нахмурил брови Кирилл. – Тебе она не подходит. Только мешает.

– Значит, у меня полный комплект? – сощурился пацан. – А откуда? Я у мамки спрашивал, есть ли в нашей крови частичка Силы? Так батька мне задницу надрал, орал, чтобы я больше не задавал таких вопросов.

Кирилл подергал кончики усов и тихо засмеялся. Потом посерьезнел и сказал:

– Действительно, лишнее болтаешь. Представь себе, что Сила далась тебе как некий подарок, самый дорогой подарок в жизни. Ты не спрашиваешь, откуда, а просто пользуешься. Так отнесись к нему, как будто так и надо. Сила у тебя есть – и точка. Когда-нибудь тебе все станет известно, и ты поймешь, что все, что мы делаем для тебя – только во благо.

– Тогда, наверное, я буду вас ненавидеть, – серьезно ответил мальчишка.

– И ладно, – вздохнул волхв. – Это твое право. Только к тому времени многих из нас уже не будет. Можешь сколько угодно ругать.

Наступило молчание. Гришка смотрел куда-то в сторону, а волхв прислушивался к надсадному гулу комарья и мошкары. Гнус опускался все ниже и ниже к траве. Дышать становилось тяжело. На небе облака стали наливаться нездоровой чернотой.

– Дождь надвигается, – сказал Кирилл. – Хочешь попробовать «завесу»?

– Это трудно, – поежился мальчишка. – Много энергии сожрет.

– У меня есть шоколад, – усмехнулся мужчина. – Давай, хочу посмотреть, насколько долго ты проконтролируешь ситуацию.

– Ладно, за шоколад согласен, – Гришка вскочил на ноги, зачем-то обошел шалаш кругом, раскинув руки подобно крыльям, и задрал голову вверх. Солнце вот-вот должно было исчезнуть в надвигающейся громадной туче из-за дальних хребтов и бросало свои лучи на ее кромку, отчего эта туча приобрела оранжево-черный оттенок. Глухо громыхнуло, прокатилось по лесу и затихло где-то на юге.

Гришка нырнул в шалаш и улегся на одеяло, брошенное прямо на еловый лапник. Волхв уже сидел внутри и мастерил что-то из березового чурбачка. Нож его мелькал вверх и вниз, стружка сыпалась к ногам. Тихо напевая себе под нос, Кирилл изредка откидывал голову и с легким прищуром смотрел на свое творение. Мальчишка открыл было рот, но в этот момент над шалашом так шарахнуло, что в ушах пронзительно зазвенело, а волосы с треском зашевелились на голове.

– Какой радиус взял? – нарушил свое молчание мужчина, покачивая головой.

– Два метра, – почесал макушку пацан.

– Почему так мало? Бери по максимуму. Надо же проверить возможности активной защиты. О, смотри, дождь пошел.

Это был не дождь – сплошная стена воды, под которой пригибались ветки деревьев и кустарников, а трава мгновенно была прибита к земле. Шум водопада на несколько минут заглушил все остальные звуки. Кирилл отложил в сторону свое баловство и вылез наружу. Выпрямился и с особым вниманием посмотрел по сторонам.

– Хорошо поставил, держит, – одобрительно произнес волхв. – Но я думаю, что твоей Силы хватит и на больший радиус.

Дождевые потоки, натыкаясь на невидимую стену, стекали на землю и решительно неслись по едва заметному склону в сторону ручья. Сейчас нетрудно было представить, во что превратился маленький лесной поток, приняв в себя такое количество воды. Кипит, бурлит, подмывает корни кустарников, выплескивается на луговину.

Через десять минут дождевой шквал ушел куда-то в сторону границы, а на небе вспыхнула искристая радуга, протянув свой мост от вершины лесистого хребта далеко на запад. Кирилл хлопнул пацана по плечу и жестом показал, что нужно идти домой. Очередной учебный день заканчивался.

Волхв проводил Гришку до самой калитки его дома и строго предупредил, чтобы тот в восемь утра был на подворье. Летом кадетам давали небольшое послабление, так как каникулярный отпуск длился до начала августа. Но Страж старался в этот период максимально использовать время для специфического обучения кадетов младшей группы и поэтому привлек для обучения всех старых воинов, ушедших на покой. Так и образовалась учебная компания из трех старожилов Двора и трех тринадцатилетних мальчишек. Кирилл Рязанцев, по совместительству старшина-наставник, и два бойца Тагир и Арсений со всем прилежанием гоняли мальцов по своей методике. Сказать, что троица огольцов была счастлива от такого обучения – это не сказать ничего. Сплошной восторг. Ну, кто еще покажет, как правильно читать следы в лесу и в поле? Кто научит молниеносно выхватывать ножи и метать их в ростовую мишень? Кто возьмет на себя ответственность сводить пацанов в спарринг для отработки оборонительных и атакующих действий с ножами такой заточки, что любой представитель Министерства образования в обморок упадет, узнав, чем занимаются наставники летом с подростками? А искусство фехтования, стрельбы из всех видов оружия, навыки шпионажа? Про рукопашный бой вообще можно было не говорить. Мальчишки постепенно овладевали тем начальным комплексом навыков и умений, чтобы к окончанию гимназического обучения получить доступ к основной практике. И с семнадцати лет окончательно поступить на службу Тайного двора. Еще через год их призовут на службу в Российскую армию в рядах спецподразделений, сформированных из новиков Тайных дворов. А через три года вернутся в родные пенаты уже оформившимися уникальными бойцами. Такова была реальность, которая очень не нравилась аристократам, приближенным к императорскому трону. Взращивать своими руками опытную и закаленную в боях на фронтире армию, пусть и разобщенную различными противоречиями, не хотелось даже монарху, но реалии современной жизни заставляли его идти на такие непопулярные в обществе шаги. Япония шалила на восточных рубежах, делая постоянные набеги на Сахалин и острова Курильской гряды, принадлежащей России. Так себе, вроде – обычные пиратские набеги, доводящие до бешенства губернатора Дальнего Востока и простых рыболовов. Маньчжурия все никак не успокоится с потерей богатого региона; уйгуры, турки, румыны, Евроальянс, мутящий воду на западных направлениях, – все эти неприятности решались с помощью спецподразделений Тайных дворов. И Александр IV сознательно сдерживал рвение своих государевых слуг, не всегда правильно видящих политическую картину.

Их встречал «отец» Гришки, стоя возле закрытой калитки. Он курил сигарету, облокотившись на беленый штакетник палисадника, и внимательно смотрел по сторонам. Широкоплечий, со следами седины на висках, хотя мужчине едва исполнилось сорок пять, с видимой

горбинкой на носу и вечно холодными глазами, Афанасий реально пугал многих жителей станицы. И своей отрешенностью, и резким нравом. Но, несмотря на свой тяжелый характер, был одним из лучших охотников.

– Здорово, Афанасий, – приветствовал его волхв.

Прохоров пропустил Гришку во двор, аккуратно закрыл за ним калитку, потом одним мощным щелчком отправил окурок на середину пыльной дороги, раздвигавшей улицу пополам.

– Давно хотел с тобой поговорить, Киря, – сказал по-свойски Афанасий. – А то все мимо да мимо ходишь, занят вечно.

– Служба, брат, – развел руками Кирилл. – Ты по поводу Григория?

– Ну, от тебя не скроешься, сразу вычисляешь, – усмехнулся охотник. – Недаром маг.

– Не маг я, а боевой волхв, – серьезно ответил Кирилл и тут же улыбнулся. – Совсем не трудно проникнуть в твои мысли. Так что ты хотел?

– Гришка мне как родной стал, – понизил голос Афанасий и оглянулся. Боялся, что пацан будет подслушивать разговор мужчин. Потом резко открыл калитку. Во дворе было пусто. Вернулся к разговору. – И Лиза все время смотрит на меня, словно я что-то могу решить. Вы все равно парня заберете… Я, конечно, понимаю, что у него жизнь другая должна быть, но как-то не по-людски к нам. Баба иногда реветь по ночам начинает, жалуется, всю плешь проела. Вот как бы нам решить это противоречие?

– Что ты от меня хочешь, Афанасий? – Кирилл присел на скамейку со спинкой, изрезанной затейливыми завитушками, и покрытую лаком. Хозяин дома примостился рядом. – Прошлое держит нас за кадык очень прочно. Все, кто причастен к судьбе Гришки, плотно закрыли рты и не откроют их даже в момент смерти. Потому что другая жизнь мальчика – это нам приговор. Аристократы уничтожат всех причастных к этой истории. Нам нужно очень грамотно легализовать парнишку, создать легенду и выпустить в жизнь с новым лицом. Он держит в себе полную Силу, и нетрудно представить, что случится, если Гришка начнет пользоваться ей немотивированно. Это сразу привлечет к нему ненужных людей. Ты сам знаешь, как поступают с теми, кто причастен к такой тайне… Зачистят всех, кто был рядом с ним все годы.

Афанасий судорожно полез в карман рубашки и выудил оттуда мятую пачку сигарет. Закурил, выпуская дым в чернеющее небо. Но пока молчал, ожидая продолжения от волхва.

– Иван Егорович имеет на него виды, – Кирилл говорил медленно, чтобы ненароком не обидеть мужчину, хотя все перспективы жизни Гришки были обсуждены еще задолго до того, как найденыш стал произносить первые внятные слова. – Ты же сам знаешь, какие условия у Стража. Он организует боевую тройку, и появление в нашей организации человека с Силой значительно увеличивает наше влияние. Волхв, который может плести заклинания, обращаясь к четырем стихиям – да за это любой Страж отдаст самое ценное, что у него есть! С легкостью разменяет десяток бойцов только на одного его!

– Так-то оно так, – сверкнул глазами Афанасий, – да как-то негоже мальцов к смертоубийству с пеленок готовить. Может, стоит поискать Гришкиных родных и аккуратно подвести к нему? Не по-людски поступаем…

– Знаешь, Афанасий… – голос Кирилла окреп, зазвенел, но волхв вовремя одумался и едва слышно продолжил: – Все эти годы наши люди не сидели на месте, выясняли, к чьему роду принадлежит пацан. Ты думаешь, мы очень радовались, когда поняли, кого нам подкинула судьба? Как бы не так! Страж сам в первую очередь порывался найти родных найденыша, да потом перестал. Откопал такие вещи, за которые играючи уничтожают целые семьи под корень. Сколько уже родов сгинуло за меньшие тайны. Впрочем, я уже стал повторяться.

– Неужели под моей крышей живет архимаг? – невесело усмехнулся Афанасий, отбрасывая очередной окурок.

– Ну, не будем так категоричны, – в ответ улыбнулся Кирилл. – В конце концов, это выбор самого Гришки. Сейчас просто нужно дать ему то, что нужно на самом деле. Мы очень благодарны тебе и Лизе, что взвалили на себя такое бремя, пошли на риск и подлог, чтобы найденыша приняли за вашего ребенка.

– Угу… – буркнул Прохоров, глядя куда-то вперед на соседние подворья, в чьих домах уже осветились окна. – Знал бы ты, что мы пережили, когда жену сканировали медики. Они же все поняли, сразу поняли, я по их лицам это прочитал, когда выслушивал их рекомендации и пожелания. Поздравляли с двойней, а сами глазами зыркали по сторонам. И страх их ощутил. Сам еще год вздрагивал от любого шума под нашими окнами. Не представляю, чем вы их запугали.

– Наши люди все контролировали и всех причастных держали под наблюдением несколько лет. Напоминали о себе, чтобы медики не расслаблялись, знали, что в затылок упирается ствол пистолета. Иногда, Афанасий, приходится мараться так, что смердит невозможно. – Волхв вздохнул, хлопнул ладонями по коленям и встал. – А что делать? Поверь, с настоящей семьей вашего сына поступили едва ли не хуже в десять раз. И ничего, угрызения совести никого не мучают. Так почему бы нам не огранить самородок и не пользоваться плодами своих трудов?

– Красиво говоришь, Киря, ох красиво, да непонятно, – махнул рукой Прохоров. – Ладно, Бог с вами. Пусть он сам решит, как воздать за ваши деяния. Но мне не нравятся методы, которыми вы манипулируете парнем. Знайте это…

Кирилл попрощался с охотником и пошел по дороге в сторону базы. Жил он на территории штаба, семьи не имел, хотя все знали, в станице у него есть зазноба, лет на двадцать моложе его. Периодически волхв пропадал у нее, если надоедала суета во Дворе. Никифор – его преемник – вполне справлялся с текучкой дел, и мешать ему в тонком деле магического искусства он не видел необходимости.

Но сейчас старший волхв хотел поговорить со Стражем. Разговор назрел давно. И касался он, конечно же, Гришки Прохорова, найденыша, как его иногда называли за глаза в штабе Двора. Называть-то называли, но доброхотов открыть истину не находилось. Страж мгновенно зарыл бы того в лесу, там, где и нашли мальчишку. Да и зачем? Все боевики Двора уже знали, какое сокровище держат в своих руках, и готовы были защищать его до последнего вздоха. Скажи любому, что надо стереть с лица земли тех, кто хочет причинить зло Гришке – пойдут и выполнят грязную работу.

Мужчина прошел всю улицу до конца, миновал последние усадьбы, утопающие в зелени садов, и отыскал взглядом штаб. Его легко было найти по цепочке огней, светящихся по периметру двухметрового бетонного забора. Кажущаяся доступность объекта не должна была вводить в заблуждение. «Путанка», кинутая поверху, находилась под напряжением, прилегающая к базе территория простреливалась с вышек, да к этому можно добавить видеокамеры и парочку отечественных «Беркутов» – беспилотников, каждый день делающих облет станицы.

Пыльная дорога вильнула вправо, уходя к междугородней трассе, а Кирилл ступил на асфальтированную поверхность, которая вела к базе. Шагалось легко. Удивительно, что в станице не пролилось ни капли дождя. Наверное, дождевой фронт прошел стороной вдоль реки. Бывает и такое. Несмотря на сухость, в воздухе не было той тяжести и духоты, которая придавливает и заставляет судорожно дышать и пить воду каждые десять-пятнадцать минут. Эта странность и заставила Кирилла замедлить шаг. Запах озона, как после грозы, усилился. Волхв оглянулся, но ничего подозрительного не заметил. Обычный ландшафт: придорожные кустарники, вон там, чуть подальше – раскидистая черемуха в соседстве с боярышником. По правую и левую сторону луговина, где любила пастись станичная скотинка. Пожав плечами, Кирилл уже не обращал внимания на привычный пейзаж. Но озон будоражил обоняние, заставлял мозг

прорабатывать варианты. Какая-то нелепость была в этом благочинии, неправильность, нарушавшая целостную картину пейзажа.

«Перунов огонь!» – мысленно охнул волхв и резко отпрыгнул в сторону, несмотря на свой далеко не юношеский возраст. По спине прокатилась крупная дрожь, позвоночник словно заледенел. Краем глаза заметил, как от обочины, где прижился крупный куст полыни, полыхнула бледно-синяя вспышка, и к нему устремился узкий росчерк, похожий на острие багра или остроги, кому как фантазия позволяет. Но мужчине сейчас было не до сравнений. Боевое плетение сотворил противник уровнем не ниже самого Кирилла. И от «перунова огня» нельзя увернуться, если не знать способы защиты. «Плетение огня и воды, – работала аналитическая машина внутри черепной коробки волхва, – и один из его вариантов – ледяной огонь. Повезло, что я тоже работаю с огнем. И не только. Кто-то просчитался и прислал стихийника с аналогичными параметрами».

Кирилл сразу же создал щит, прибегнув к силе земли, и «перунов огонь» завяз в нем, блеснув напоследок ярким протуберанцем, осветив близлежащие окрестности. Волхв очень надеялся, что такой фейерверк увидят на базе и примут меры. Должны принять. Никифор не дурак, сообразит, что здесь активировали Силу. Не теряя времени даром, волхв сплел ударный кулак из земных и огненных токов. Не позавидует он тому, кто сейчас прячется в обочине. На него накатит пласт расплавленного асфальта. Плевать, что дорога испорчена. Жизнь важнее. Страж не будет против, если Кирилл захватит в плен диверсанта.

Мощная дрожь пробежала под ногами волхва и вспучила дорогу. Словно неведомый богатырь с неимоверной силой, которую девать некуда, оторвал часть земли с грунтовой подушкой и положенным на него асфальтом и, прикрываясь таким щитом, стал толкать всю массу на противоположную сторону. Дыхнуло жаром и резким запахом гудрона.

Гулко громыхнула защита противника. Пусть теперь все свои ресурсы тратит на отражение атаки. Кирилл прыгнул в сторону, чтобы не бежать по обезображенной земле, и, крадучись, стал подбираться к обочине, где мог прятаться диверсант. На базе уже зажгли фронтальный прожектор и освещали дорогу мощным лучом. Послышался надсадный рев мотора. Дежурный внедорожник «Манул» несся к точке боя. Пять бойцов с автоматическим оружием, и с ними должен быть Никифор. Обязан быть. Это не рядовая стычка.

Подосадовал на себя, что не захватил свой любимый «браунинг», с которым всегда ходил на задания. Такая постановка использования огнестрельного оружия магом не должна была ввести в заблуждение несведущих. Волхвы всегда брали оружие, даже если могли сплести боевое плетение. Порой выстрел из пистолета являлся последним аргументом в противостоянии «силовиков», как в шутку называли волхвов во всех Тайных дворах. Сейчас оружие пригодилось бы для нейтрализации противника. Прострелить ноги, обездвижить, сковать заклинанием руки – самый эффективный вариант, если враг не успеет поставить защиту. Но даже если поставит – не беда. Первый патрон в обойме будет обычным, а второй и третий у Кирилла всегда специальный, «антимаг».

Но ловить оказалось некого. Развороченная поперек дорога и взрыхленная земля на обочине не могли указать, куда исчез диверсант. Тела не было. И это означало, что неведомый нападавший избежал гибели. Досадно…

Машина через пару минут остановилась перед рытвиной, осветив фигуру Кирилла. Тому пришлось поднять обе руки, чтобы свет не бил в глаза и ребята не шарахнули из всех стволов в такой запарке.

– Это ты, старшина? – голос Никифора не выдал и каплю удивления. – С тобой все в порядке?

– Нужно организовать погоню, – волхв почувствовал, что сил у него почти не осталось. Мощное плетение не могло оставить организм без последствий. – На меня напали. Не знаю, кто, не знаю, сколько. Но против меня был сильный маг.

Четверо бойцов посыпались из внедорожника в разные стороны. Водитель остался на месте, но и он тоже был готов к огневому контакту. Распределились по двое и осторожно спустились по насыпи вниз. Никто из них не собирался прочесывать местность, потому как Страж издал четкую инструкцию по таким внештатным ситуациям. Патруль просто проверил обочину и вернулся обратно. Один из бойцов сказал, что никаких следов присутствия чужака не обнаружено.

Никифор поднес к губам рацию и коротко проговорил в нее:

– Импульс.

Это был сигнал дежурной группе штаба. «Импульс» давался только в случае прямого нападения на сотрудника Тайного двора с применением Силы. Случай редчайший, да еще почти возле самых ворот базы. Явно прямой вызов неизвестного врага. Поэтому уже через пять минут после сигнала все сотрудники, штатные и внештатные, а также добровольцы из станицы поднялись по тревоге. Из ворот базы выехали два крытых грузовика и сразу свернули с дороги на луговину, чтобы зря времени не терять. Сейчас начнут окольцовывать местность, а добровольцы с собаками возьмут след.

– Так волхв, «огневик», – предупредил Кирилл. – Кому-то надо идти на прочесывание.

– С бойцами Лиходей, – ответил Никифор, – он прикроет в случае чего. А ты давай, бери двух бойцов и дуй в штаб. Дойдешь пешком, здесь метров триста. Думаю, Страж уже икру мечет, ждет доклада. Вот ты и скажешь, что произошло. А я сейчас через станицу на машине рвану, попробую скоординировать поиск.

Глава седьмая

Штаб Тайного двора

Кирилла уже ждали. Как только он зашел через ворота, усиленные охраной, его окликнул Максим Масалов, во всеоружии крутившийся возле кирпичного домика контрольно-пропускного пункта.

– Дядя Кирилл! Тебя Страж требует. Кричал, чтобы ты немедленно к нему зашел!

– Да что я такого сделал? – удивленно хмыкнул волхв, не сбавляя шага. Он и не собирался отсиживаться в стороне. История, произошедшая с ним на дороге, могла иметь под собой такой пласт информации, что только Егорыч разберется в этом. – Все меня хотят… Где Ромку потерял, Макся?

– Он с ребятами на облаву уехал, – ответил Максим. Волхв, как и атаман Данилов, с ходу различал близнецов, но по своим критериям. Для него, держащего Силу, такие головоломки не составляли особого труда.

– Атаман здесь или дома ночует? – на ходу спрашивал Кирилл. – Он бы тоже не помешал. Возникла проблема.

– Вызовем, – твердо пообещал Максим, поправив на груди автомат. – Прямо сейчас по рации простучим. По «Импульсу» сразу примчится.

– Особо не переусердствуй, – шагнув на крыльцо, усмехнулся волхв. – А то панику поднимет, вся станица на ушах стоять будет.

Страж сидел в своем кресле, обложившись всяческими коммуникационными средствами. Он одновременно что-то говорил в трубку телефона, рядом периодически пшикала рация, надсадно гудел процессор, а сам хозяин нет-нет да и бросал взгляд на монитор. Увидев вошедшего волхва, бросил трубку и нетерпеливым жестом показал на стул. Дескать, присаживайся, нет у меня времени разводить политесы на паркетном полу. Это была его любимая фраза. Где он ее раздобыл – осталось загадкой, но последние пять лет именно ее Страж употреблял в случае экстренных совещаний.

Кирилл сел за т-образный стол почти рядом со Стражем, терпеливо ожидая, когда тот закончит бурную деятельность. Бросив трубку, тот обхватил подбородок ладонью и внимательно посмотрел на монитор. Что-то буркнул, едва шевельнув губами, после чего откинулся на спинку кресла.

– Что там у тебя произошло, Кир? – спросил он, даже не поприветствовав волхва.

– Нападение с применением Силы, – ответил Кирилл, стараясь не рассусоливать по мелочам. – Волхв моего уровня. Атаку отбил, но диверсанта поймать не смог.

– Какие предположения?

– Судя по тому, что к нам под самую печенку забрался вражеский волхв – уже говорит о неординарности ситуации, – Кирилл пошевелился на стуле, словно проверял его прочность. – На такой шаг могут пойти только агенты какого-нибудь влиятельного аристократического клана или наши конкуренты из других губерний.

– Вопрос ко второму варианту: зачем? – поднял палец Страж. – На данный момент у нас есть три контракта на защиту клиентов: купеческий дом Савельевых, торгово-промышленная палата Гринбергов и российско-китайская компания по изготовлению лекарственных препаратов. Все! Наши резервы практически исчерпаны, и лезть еще куда-то мы просто не можем физически.

– Эта «Амурская фармация» мне не нравится. Ее представитель и так получил широкий доступ на базу, – предупредил Кирилл. – Я бы не связывался с ними и прекратил любые контакты. На лбу этого представителя так и написано большими буквами: «шпион».

– Хороший контракт, – хмыкнул Страж. – Наш резидент дал по ним информацию, что все чисто. Ты излишне мнителен. Честно.

– Неспокойно мне, – повертел шеей волхв. – Мутная компания. Но по конкурентам я согласен с тобой: это не они.

– Тогда что нужно аристократам? – Страж снова кинул взгляд на монитор, но тут же оставил его в покое. – Это то, о чем я думаю?

– Полагаю, да. Старый след. Они каким-то образом вышли на нас, потому что вся информация о найденной мертвой аристократке обрывается в Раздольной. Я еще могу предположить, что документы следствия стали известны заинтересованным лицам…

– Значит, все дело в мальчишке?

– Я уверен в этом, – твердо произнес волхв. – Я с самого начала знал, что всю правду скрыть будет невозможно. Поэтому и инициировал начало обучения с очень раннего возраста. Насколько знаю, аристократы своих детей отдают для овладения Силой с восьми лет. Дело в том, что организм ребенка в корне отличается от функционирования организма взрослого. Если я мог в двадцать лет выдерживать бой, длящийся около часа, и при этом плести атакующие заклинания, то ребенок в таком темпе свалится замертво. Ускоренный метаболизм приводит к печальным последствиям.

Кирилл перевел дух и отыскал взглядом на столе Стража начатую бутылку минералки. Не спрашивая разрешения, схватил ее и ополовинил, не прерываясь. У него проснулась жажда – один из признаков обезвоживания после применения Силы. Он не стал говорить, что в старческом возрасте организм так же «проседает», как и у ребенка.

– Допускаем эту версию, – медленно произнес Страж, постукивая пальцами по крышке стола, – и принимаем как рабочую. Наш Гришка – ходячая бомба, и когда взорвется – никому не ведомо. Рано или поздно вся наша комбинация развалится, и к этому надо подготовиться. Мальчишку надо срочно легализовать в обществе и найти его родственников. Желательно прямых. Если же он действительно прямой потомок Назарова – есть риск, что рано или поздно пацан станет сиротой. Но ведь ближайшие родственники тоже имеются…

– И тогда можно поставить крест на наших амбициях, – пожал плечами волхв. – Мы же хотели организовать боевую тройку: волхв и два спеца широкого профиля для операций повышенной сложности.

– Да, есть риск, что аристократы потребуют отдать парня и взять его под свое крыло, – Иван Егорович, он же Страж, выглядел непоколебимым, как будто заранее продумал комбинацию. – В чем я сильно сомневаюсь. Если кто-то пошел на убийство женщины – значит, уже в то время шла война между кланами. И за одиннадцать последних лет могло произойти все что угодно, даже полное уничтожение одной из семей. Но… – Страж поднял палец, – должны были остаться люди, которые имели отношение к тем давним событиям. Вот их и надо искать. Полагаю, что они могут помочь и обеспечат прикрытие по тем направлениям, которые мы упустили.

Пшикнула рация.

– Вышка – Второму! – раздался металлический голос, искаженный какими-то помехами. Но волхв узнал Тихона.

– На связи! – тут же откликнулся Страж.

– Объект обнаружен в трех километрах от точки соприкосновения. Оказал вооруженное сопротивление, применил боевое плетение. Ушел.

– Кто это был?

– Есть подозрения… Все при встрече.

Опять затрещало, защелкало.

– Второй – сворачивайте операцию. Отбой.

– Вышка – понял. Конец операции.

Страж отодвинул рацию в сторону и с каким-то странным ожиданием взглянул на волхва. Как будто силился прочить в его глазах ответ на ночное происшествие.

– Ты понял? Есть подозрения… Он что, знает этого диверсанта?

– Ничего я не понял, как и ты, – пожал плечами Кирилл.

Тихон Данилов появился в кабинете Стража через четверть часа. Погрузневший, с сеткой морщин на лбу и совершенно белесыми усами, атаман в полном молчании прошел к столу и уселся в его торце, с грохотом отодвинув стул. Волхв и Страж тоже молчали, оглядывая медвежью фигуру Тихона в полной разгрузке. Автомат, переброшенный через плечо, он так и не снял.

– Это был Хазарин, – наконец, произнес первые слова атаман. – Я узнал его по характерному боевому плетению. Помнишь, Егорыч, пять лет назад мы ходили к маньчжурам на одно задание?

– Когда вы столкнулись с группой Кречета? – сразу сообразил Страж. – Ну да, мы вас подстраховывали на выходе. Значит, клан Котова влез в наши дела? А зачем ему это нужно?

Кирилл тоже недоумевал. Хазарин (это была не фамилия, а прозвище) – очень сильный волхв – состоял на службе аристократа Котова, имевшего владения в Забайкалье от Могочи до Зеи и занимавшего обширный рынок по продаже ценного меха. К его чести клан не только исправно истреблял соболей, куниц, росомах и прочих зверюшек, но и разводил их в специальных питомниках. Как бы то ни было, меха шли не только в Китай и Маньчжурию, но и в Японию. А потом еще дальше, через океан на североамериканский материк, конкурируя с изделиями Британской Канады, перебивая у нее рынок мехов в САСШ. Даже европейские комиссары по торговле предпочитали работать только с Котовыми и еще с парой влиятельных купцов. Но купеческий товар не шел ни в какое сравнение с великолепием мехов из питомников Котова. У аристократа для этого были все мощности и технологии, недоступные слабым купеческим торговым домам, прекрасный штат обученных биологов, зоологов, заводчиков, даже дрессировщиков завел. Плюс к этому две крупных фабрики по пошиву меховых изделий. В последние пару лет европейцы с ума сходят от шуб с серебристо-черным отливом. И все это – результат селекции скрещивания чернобурки с серебристой лисой. Возникает вопрос: зачем Котову конфронтация с амурским филиалом Тайного двора?

– Скорее всего, Хазарин покинул клан Котовых и перешел к другим людям, – выдвинул версию Тихон, снимая, наконец, автомат и вешая его на спинку стула. – Я о нем давненько не слышал, но из Благовещенска приходят странные истории про него. Будто бы он поссорился с самим патриархом рода и увел с собой младших помощников.

– Это только слухи? – уточнил Страж. – И что он делает в нашей дыре? Благовещенск, вообще-то, далеко от нас.

– Могу связаться со своими агентами, – пожал плечами атаман. – Это займет пару дней. Пока пробьют через осведомителей и шнырей…

– Я же не требую мгновенного результата, – невежливо перебил его Страж, что случалось довольно редко и говорило о крайней степени раздражения и непонимания главы Двора. – Извини, Тихон, сорвался. Еще есть что сказать про Хазарина?

– Пару раз всплывала фамилия каких-то Китсеров, – почесал переносицу атаман, нисколько не отреагировав на резкость Стража. – Может, он к ним и ушел служить.

– Китсер? – вот здесь Иван Егорович задумался крепко, даже морщины на лбу углубились. Резко наклонился к клавиатуре и застучал по ней, шевеля губами. – Китсер, мать его… Где-то же слышал я про него. Ну, да… У Китсеров в Албазине представительская контора, а сам род проживает в центральных губерниях, везде и понемногу. Вот интересно, контора открылась в девяносто четвертом году, после истории с найденышем. Ни на какие мысли не наталкивает? В общем, так…

Страж внимательно оглядел соратников и многозначительно поднял большой палец, словно хотел сказать важную весть.

– Помните, я просил обратить внимание на род Назаровых? Что мы смогли раскопать? Все перипетии его грызни с другими кланами можно откинуть в сторону, пусть беллетристы занимаются этой историей. Для нас важнее знать, кто именно? А именно Китсеры засветились своей активностью. Тихон, обязательно разузнай, кому служит сейчас Хазарин. Если пути волхва и Китсеров пересеклись…

– Значит, все из-за мальчишки, как я и предполагал, – кивнул Кирилл. – Про него прознали, и гораздо раньше, чем мы думали.

– А что сейчас со стариком Назаровым? Жив ли он? – с интересом спросил атаман, расстегивая верхнюю пуговицу камуфляжной куртки. Ему стало жарко.

– Ему уже за восемьдесят, – ответил Страж, – или почти девяносто. Удивительно, но этот одинокий старик цепляется за жизнь так, как будто у него есть какая-то цель.

– В долгожительстве аристократов нет ничего удивительного, – усмехнулся Кирилл. – Сила держит таких людей до полного физического истощения. По статистике средний возраст аристократов – восемьдесят лет. Плюс или минус в разные стороны пять лет. А обладатели полной Силы – не те огрызки у некоторых отпрысков – получают еще два десятка лет.

– Но все же, учитывая трагические события в его клане, – Страж покачал головой, – такое может подкосить даже самого крепкого мужика.

– Мальчишка – Назаров, – буркнул Тихон. – Я уже не раз говорил об этом, когда у него проснулись некие способности. Прямой наследник. И Китсеры пойдут на любые методы, чтобы взять пацана.

– Не убить?

– Нет, ни в коем случае, – атаман потер лицо, сгоняя ночную усталость. – Он пойдет заложником, рычагом давления на патриарха. Старик очень богат… Ты обратил внимание, Егорыч, что за все последние годы Назаров не сдал ни одного предприятия, не слил ни одной акции, а только усиливал интервенцию на банки? К чему бы это? Наверняка знает, что наследник жив. И еще есть одна версия. Гришка – носитель полноценной Силы, а значит, наследник всех тайн древнего Ордена ариев-руссов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.